

Ночной портье

Автор:

[Ирвин Шоу](#)

Ночной портье

Ирвин Шоу

Казалось бы, лучшие дни Дугласа Граймса давно позади. Бывший летчик, а теперь ночной портье в дешевой гостинице, он едва сводит концы с концами. Но тут судьба делает головокружительный поворот – внезапно умирает один из постояльцев и Дуглас с его деньгами бежит в Европу.

Вот он – шанс взять у жизни реванш! И Дуглас Граймс готов воспользоваться им, поставив на карту все, что у него есть...

Ирвин Шоу

Ночной портье

Герде Нильсен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночь... Сажу один-одинешенек, огражденный пуленепробиваемым стеклом в запертой на ключ конторке. За окном Нью-Йорк в тисках угрюмой январской ночи.

Вот уже два года шесть раз в неделю я прихожу сюда за час до полуночи и остаюсь до восьми утра. В конторке тепло и с разговорами никто не лезет. Работа мне не то чтобы нравится, но и не противна.

Служебные обязанности оставляют мне время и для личных занятий, установленный ночной распорядок течет, как ему положено. Часок-другой я провожу за изучением программы скачек «Рэйсинг форм» и продумываю свои ставки на следующий день. Это очень живо составленная программа, полная оптимизма и с каждым выпуском вселяющая новые надежды.

Покончив с прикидкой таких показателей, как вес лошади, ее резвость, дистанция, ожидаемая погода, я принимаюсь за духовную пищу, постоянно заботясь о том, чтобы иметь под рукой книги по своему вкусу. Ночной харч – сэндвич и бутылку пива – я покупаю по дороге на работу. В течение ночи обязательно проделываю изометрические упражнения для рук, ног и живота. Несмотря на сидячую работу, я в тридцать три года чувствую себя лучше, чем в двадцать лет. Люди удивляются, что при моем росте – меньше шести футов – вешу я сто восемьдесят пять фунтов. Однако мой вес меня не огорчает. Мне бы только хотелось быть повыше ростом. Женщины говорят, что у меня еще юношеский вид, но я не считаю это комплиментом. Я никогда не был маменькиным сыночком. Подобно большинству мужчин, я бы хотел походить на таких персонажей из телефильмов, как отважный морской капитан или искатель приключений.

Составляя отчет за прошедшие сутки для дневной смены, я работал на счетной машинке. Когда нажимал клавиши, машинка жужжала, как большое рассерженное насекомое. Вначале звук этот досаждал мне, но теперь я привык. За стеклом моей конторки в вестибюле было темным-темно. Хозяин сэкономил на электроэнергии, как, впрочем, и на всем остальном.

Пуленепробиваемое стекло в конторке появилось после того, как работавший до меня ночной портье был дважды зверски избит и ограблен. Ему наложили сорок три шва, и он решил переменить службу.

Следует признать, что с цифрами я умею обращаться лишь благодаря тому, что мать в свое время заставила меня пройти в колледже годичный курс счетоводства и бухгалтерии. Она настаивала, чтобы за четыре года учебы в

колледже я научился хотя бы одной полезной, как она говорила, вещи. Окончил я колледж одиннадцать лет назад, и моей матери теперь уже нет в живых.

Отель, в котором я служу, называется «Святой Августин». Трудно сказать, из каких побуждений дал это имя отелю его первый владелец. Ни на одной стене вы не увидите распятия, его нет даже в вестибюле, где в четырех запыленных кадках стоят какие-то каучуковые растения якобы тропического вида. Снаружи отель еще выглядит достаточно солидно – он знавал лучшие дни и лучших постояльцев. Плата сейчас тут небольшая, но и на какие-нибудь особенные удобства и обслуживание рассчитывать не приходится.

За исключением двух-трех постояльцев, приходящих поздно, мне не с кем и словом перекинуться. Но я и не искал такой работы, где требуется общительность. Часто за целую ночь нигде в здании не зажжется свет.

Платят мне сто двадцать пять долларов в неделю. Живу я в однокомнатной квартире, с кухней и ванной, в восточной части Нью-Йорка на Восемьдесят первой улице.

Этой ночью меня потревожили только однажды, во втором часу, когда какая-то проститутка спустилась по лестнице в вестибюль и потребовала, чтобы я выпустил ее на улицу. Пришла в отель она до того, как я заступил на дежурство, так что я не знал, в каком номере она была. Возле парадной двери имелась кнопка-звонок, предназначенная для того, чтобы дверь автоматически открывалась, но неделю назад звонок вышел из строя. Когда я отомкнул дверь, холодный ночной воздух пахнул мне в лицо, и, поевшись, я с удовольствием вернулся в свою теплую конторку.

Программа скачек на следующий день в Хайалиа лежала у меня на столе. У них на юге сейчас празднично и тепло. Я уже сделал свой выбор: во втором заезде поставить на Глорию. Возможный выигрыш в случае ее победы был бы один к пятнадцати.

Игроком я стал давно. Добрую часть времени в колледже я провел за игрой в покер в нашем студенческом землячестве. Работая затем в штате Вермонт, я каждую неделю садился за карточный стол и за время пребывания там выиграл несколько тысяч долларов. С тех пор мне не особенно везло.

Страсть к игре и привела меня на службу в отель «Святой Августин». Когда меня впервые занесло в Нью-Йорк, я в баре случайно познакомился с одним букмекером[1 - Лицо, заключающее пари на бегах и скачках и собирающее денежные заклады. – Здесь и далее примеч. пер.], который жил как раз в этом отеле и здесь же расплачивался со своими клиентами. Он открыл мне кредит, а в конце недели мы с ним подводили итоги. Я тоже поселился в этом же отеле: мои средства не позволяли выбрать что-нибудь лучшее.

Когда мой долг букмекеру достиг пятисот долларов, он перестал принимать мои ставки. Однако сообщил, что, к моему счастью, ночной портье отеля уходит с работы и хозяин ищет замену. «Вы производите впечатление, – сказал букмекер, – человека образованного, окончившего колледж и, наверное, знакомого с правилами сложения и вычитания».

Поступив на эту работу, я сразу же выехал из «Святого Августина». Находиться там круглые сутки было испытанием, которое едва ли кто мог вынести.

Из недельных получек я стал выплачивать долг букмекеру, и когда погасил его, он снова открыл мне кредит. Однако теперь я опять должен ему сто пятьдесят долларов.

Как мы условились с самого начала, я указывал в записке свою ставку на ту или иную лошадь, клал записку в конверт и опускал в ящик букмекера в отеле. Вставал букмекер поздно и раньше одиннадцати утра не заглядывал в свой ящик. В эту ночь я решил поставить пять долларов. В случае выигрыша я получил бы семьдесят пять долларов, что покрыло бы половину моего долга.

На моем столе рядом с программой скачек лежала Библия, открытая на Книге псалмов. Я вырос в религиозной богобоязненной семье и временами по привычке перечитывал Библию. Моя вера в Бога была уже не такой, как когда-то в детстве, но мне еще доставляло удовольствие заглядывать в Священное Писание. Тут же на столе примостился роман «Мерзкая плоть» Ивлина Во и «Каприз Олмейера» Джозефа Конрада. За два года ночной работы я значительно расширил свое знакомство с английской и американской литературой.

Усевшись за счетную машинку, я бросил взгляд на открытую страницу из Книги псалмов: «Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величия Его. Хвалите Его со звуком трубным, хвалите Его на псалтири и гусях. Хвалите

Его с тимпаном и ликами, хвалите Его на струнах и органе».

Вполне приемлемо было для Иерусалима, подумал я. Но где в Нью-Йорке вы найдете тимпан?

Из небесной дали, проникая сквозь бетон и сталь, донеслось в эту минуту гудение реактивного самолета, летевшего над Нью-Йорком. Я прислушался, представив себе ровную взлетно-посадочную полосу, молчаливых диспетчеров на контрольной вышке, мерцание приборов, обзор ночного неба радаром.

- Ох, Боже мой, - вслух подумал я.

Закончив щелкать на счетной машинке, я отодвинул стул, взял лист бумаги, положил его на колени и посмотрел на настенный календарь. Потом стал медленно, дюйм за дюймом, поднимать бумажный лист, не спуская глаз с календаря. Увы, заметил я бумагу, лишь когда край листа поравнялся с моим подбородком. Чуда опять не произошло.

- Ох, Боже мой, - повторил я и, скомкав лист, в сердцах швырнул его в корзину для бумаг.

Потом, аккуратно сложив счета, я принялся рассортировывать их в алфавитном порядке. Делал это механически, мысли были заняты совсем другим, и я не обращал внимания на дату выписанных счетов. Случайно она вдруг бросилась мне в глаза. 15 января. Годовщина. Своего рода. Я печально усмехнулся. Как раз три года тому назад это и случилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Облака заволокли Нью-Йорк, но когда, идя на север, мы прошли над Пикскиллом, небо очистилось и заголубело. В лучах солнца заискрился на холмах снег. Я вел небольшой самолет «сессна» на промежуточную посадку в аэропорту Тетерборо и краем уха слышал, как у меня за спиной пассажиры поздравляли друг друга с хорошей погодой и только что выпавшим снегом. Мы летели на небольшой высоте, около двух тысяч метров, поля под нами походили на хорошо

расчерченные шахматные доски, где деревья чернели на белоснежном покрове. Короткие рейсы в это время года были мне особенно по душе. И было радостно и как-то уютно, когда то там, то здесь узнавал я знакомые мне отдельные фермы, дорожные перекрестки, речки и речушки.

Хороша зимой северная часть штата Нью-Йорк, а особенно в пригожий день в начале зимы, когда видишь ее с воздуха. В который уже раз я порадовался тому, что никогда не привлекала меня работа на дальних авиалиниях, где большую часть жизни проводишь на высоте более десяти тысяч метров, а земля скрыта от тебя плотным слоем облаков или выглядит как безликая географическая карта.

В самолете на этот раз было трое пассажиров – Вейлс, его жена и их дочь, упитанная девочка лет двенадцати с торчащими передними зубами, которую звали Диди. Все они были страстными лыжниками, и я уже несколько раз до этого возил их. На Берлингтон, куда мы летели, ходили самолеты регулярной авиалинии, но Вейлс, человек очень занятой, как он любил повторять, отправлялся на лыжные прогулки в удобное для него время и не желал зависеть от расписания. Владелец рекламной фирмы в Нью-Йорке, он не стеснялся в расходах. Заказывая самолет, Вейлс обычно просил, чтобы пилотировал я, – наверное, потому, что иногда я шел с ними, вел на спусках, которые знал лучше их, и тактично обучал лыжной технике.

Вейлс и его жена, сильная, спортивного склада особа, неистово соревновались друг с другом, так что один из них когда-нибудь непременно должен был сломать себе шею. Об их досаде и раздражении я мог судить по резко подчеркнутым обращениям «дорогой» или «дорогая» в напряженные моменты соперничества.

Их дочь Диди была серьезной, неулыбчивой девочкой, вечно с книгой в руках. Усевшись в самолете, она не отрываясь читала до самой посадки. В этом полете она была всецело поглощена романом Эмили Бронте «Грозовой перевал». Я сам в детстве читал запоем (моя мать часто ворчала: «Прекрати, Дуглас, изображать из себя героев прочитанных книг»), и мне было интересно следить от зимы к зиме, какие книги берет Диди с собой в самолет.

Она гораздо лучше своих родителей ходила на лыжах, но они не разрешали ей скатываться на спусках. Как-то утром в пургу, когда ее родители засиделись в веселой компании за коктейлями, мы отправились с ней вдвоем, и она показалась мне совсем другой девочкой. Бесстрашно, с блаженной улыбкой на

лице, Диди радостно скользила рядом со мной по склону, как зверек, которому посчастливилось вырваться из клетки на волю.

У папаши Вейлса была широкая натура, и он имел обыкновение после каждого рейса делать мне подарок: то свитер, то пару прекрасных лыжных палок, то бумажник или еще что-нибудь в этом роде. Я, конечно, мог сам купить, что мне нужно, и не любил чаевых в какой бы то ни было форме, но мне не хотелось обидеть его отказом. Кроме того, он был приятным и вполне преуспевающим человеком.

– Прекрасное утро, Дуг, верно? – услышал я за спиной голос Вейлса. Даже в маленьком самолете он не мог усидеть на месте, шныряя то туда, то сюда. Пилот из него вышел бы ужасный. В летную кабину он принес с собой запах алкоголя, так как подкреплялся в пути из небольшой фляжки, которую всегда брал с собой.

– Н-неп-плохая, – подтвердил я. С детских лет я заикался, а потому старался как можно меньше говорить, хотя и не позволял себе стыдиться этого недостатка.

– На лыжах сегодня чудесно.

– Чудесно, – кивнул я. За управлением я особенно не любил разговаривать, но было как-то неудобно сказать об этом Вейлсу.

– Останетесь здесь на этот уик-энд?

– Н-наверное. Я д-договорился встретиться с одной знакомой.

Мою знакомую звали Пэт Майнот. Ее брат работал в конторе нашей авиалинии, и он познакомил меня с ней. Она была учительницей истории в средней школе, и мы условились встретиться после окончания занятий. Превосходная лыжница, она к тому же была очень хорошенькой. Небольшого роста, смуглая, сильная и ловкая.

Я знал ее более двух лет, последний год мы стали близки, но встречались от случая к случаю. То она под разными предлогами отказывалась увидеться и едва замечала меня, когда мы случайно сталкивались, то внезапно сама предлагала

провести вечер вместе. По тому, как она улыбалась мне, я уже мог сказать, хочет ли она быть со мной.

Пэт была упряма и своенравна. По словам ее брата, почти каждый из его друзей приударял за ней. Я не мог похвастаться амурными успехами, был застенчив и неловок с девушками и не добивался близости с ней. Она тоже как будто не имела никаких видов на меня. Это случилось как-то само собой, когда в конце недели мы два дня провели на лыжных прогулках.

После первой ночи я признался ей: «Это самое лучшее, что было в моей жизни».

«Перестань», – буркнула она. И это все, что она сказала.

Я не задумывался над тем, люблю я ее или нет. Если бы она постоянно не приставала ко мне с тем, чтобы я лечился от заикания, я бы, наверное, попросил ее выйти за меня замуж. Однако подходили свободные дни в конце недели, а я никогда не мог предугадать, в каком она настроении. И я решил быть осторожным.

– Прекрасно, – с воодушевлением подхватил мои слова Вейлс. – Давайте сегодня все вместе пообедаем.

– Благодарю, Д-джордж. – Он настоял, чтобы с первого дня знакомства я называл его и его жену просто по имени. – Б-было бы о-очень п-приятно.

Такой обед дал бы мне возможность снова отложить окончательное решение.

– Так можно ожидать вас в гостинице?

– Б-боюсь, что нет. У меня с-сегодня м-медосмотр.

– У вас, Дуг, что-то маловато свободных дней.

– Т-только в лыжный сезон.

– В начале февраля я с женой отправляюсь в Цюрих. Мы всегда ухитряемся выкроить недельки три, чтобы провести их в Альпах. Бывали ли вы в Альпах?

– Н-никогда не был за границей.

– У вас появится такая возможность, и нам будет приятно, если вы поедете с нами. Я член нью-йоркского лыжного клуба «Кристи». Клуб фрахтует самолеты и организует путешествия в Альпы. Удивительно дешево. Всего триста долларов с носа. И дело не только в деньгах, а и в людях, с которыми вы познакомитесь и сможете выпить, сколько в вас влезет. И притом никаких беспокойств с багажом и швейцарской таможней. Они только машут вам рукой и улыбаются. У меня знакомая в офисе этого клуба, ее фамилия Менсфилд. Я скажу ей, что вы мой друг, и она все вам устроит. Подумайте об этом, у вас еще впереди достаточно времени.

– Н-не искушайте рабочего человека, – усмехнулся я.

– Какого черта, всем надо отдыхать.

– Спасибо, п-подумаю.

Он вернулся на свое место в самолете, оставив у меня в кабине стойкий запах виски. Я уставился на дальний горизонт, обозначавшийся четкой светлой линией на ясном зимнем небе, стараясь подавить зависть к Вейлсу, плохому лыжнику, имеющему, однако, возможность пробыть три недели в Швейцарии и кататься с Альпийских гор, истратив на все про все тысячу долларов.

Выяснив в конторе, что до конца недели полетов у меня больше нет, я поехал в своем «фольксвагене» на медосмотр, проводившийся два раза в год доктором Райяном, который был глазным врачом, но служил у нас по всей медицине, продолжая на стороне ограниченную практику по специальности.

Вот уже пять лет этот добродушный медлительный старик выслушивал мое сердце, измерял кровяное давление, проверял зрение и мышечные рефлексы. За исключением того случая, когда я заболел легким гриппом, ему не случалось прописывать мне что-либо, кроме аспирина. «В полной форме для скачек. Годен брать призы», – каждый раз говорил он, заключая осмотр. Он разделял мой интерес к скаковым лошадям и даже однажды приехал ко мне домой, чтобы рассказать об одной удивительной лошади, которая, по его мнению, добьется

огромных успехов на скачках.

Осмотр на этот раз проходил обычным порядком, и доктор одобрительно кивал на каждой стадии проверки. Однако все изменилось, когда он начал проверять мое зрение. Буквы на таблицах я читал бегло, но когда он с помощью лупы стал исследовать мои глаза, лицо у него вытянулось. Он дважды досадливо отмахнулся от медсестры, которая напоминала ему, что в приемной ожидают вызванные им пациенты, и подверг меня целой серии испытаний, чего прежде никогда не делал.

Наконец, убрав свои инструменты, он тяжело уселся за стол и устало потер лоб и глаза.

– Мистер Граймс, боюсь, что у меня плохие новости для вас.

То, что он затем сообщил мне в этот ясный солнечный день в своем большом старомодном кабинете, в корне изменило всю мою последующую жизнь.

– У вас заболевание глаз, – сказал доктор Райян, – которое называется ретиношизис. При этой болезни происходит расслоение сетчатой оболочки глаза и образуется киста. Течение болезни хорошо известно. В большинстве случаев она не прогрессирует, но ее последствия необратимы. Иногда мы пытаемся задержать ее развитие путем операции с применением лазерного луча. Однако существенное последствие этой болезни – ограничение периферийного видения. В вашем случае – нисходящего видения. Такая ограниченность зрения, увы, весьма важный недостаток для летчика, который должен всегда иметь полный обзор, следить за приборами, а также наблюдать за горизонтом. В остальном же вы можете считать себя вполне нормальным человеком. Сможете читать, писать, заниматься спортом и прочее.

– Нормальным?! – вскричал я. – Какой же я нормальный, доктор, если не смогу летать? Для этого я учился, в этом вся моя жизнь.

– Свое заключение, мистер Граймс, я с величайшим сожалением должен представить сегодня же. Вы, конечно, можете обратиться и к другим врачам, но, по моему мнению, это вряд ли что изменит. Я же обязан заявить, что с сегодняшнего дня летная работа вам противопоказана.

Я выскочил из кабинета врача, не пожав ему руки, исступленно повторяя: «Проклятие, проклятие!» Люди, ожидавшие в приемной, и те, кто повстречался мне на улице, с удивлением глядели мне вслед, когда, продолжая громко браниться, я завернул в ближайший бар. Я чувствовал, что не смогу вернуться на летное поле и рассказать то, что случилось со мной, если основательно не подкреплюсь.

Бар был обставлен наподобие английского паба. Стойка из темного дерева и на полках по стенам высокие оловянные кружки. Худой старик в куртке цвета хаки и в красном охотничьем кепи стоял у стойки с кружкой пива.

– Они и у нас отравили все озеро, – громко произнес старик с жестким вермонтским акцентом. – Отходы бумажной фабрики. Через пять лет наше озеро станет таким же мертвым, как и озеро Эри. Дороги они посыпают солью, чтобы идиоты из Нью-Йорка могли как сумасшедшие мчаться на лыжные курорты, – продолжал старик. – А когда снег тает, всю соль уносит в озера, пруды и реки. Скоро во всем штате нигде не останется рыбы. И никому до этого нет дела. Так что я даже рад, что не доживу до такого всеобщего похабства.

Я выпил еще виски. Первая рюмка, как видно, не подействовала на меня. Впрочем, и вторая – тоже. Расплатившись, я вышел из бара. Мне вспомнилось озеро Шамплейн, где мальчиком я провел много чудесных летних дней на парусной лодке за ловлей рыбы. Мысль о том, что и оно умрет, была печальной и показалась даже печальнее всего, что случилось со мной в жизни.

Когда я вошел к Каннингему, бывалому летчику-истребителю времен Второй мировой войны, а ныне президенту и единоличному владельцу нашей маленькой авиалинии, то по его лицу догадался, что доктор Райян уже звонил ему.

– П-проходил п-проверку, Фредди, – сказал я.

– Да, знаю. Очень жаль. – Он смущенно повертел в пальцах карандаш. – Но мы обязательно найдем какое-нибудь место у нас. В конторе, например. Или, может, на обслуживании самолетов. – Голос его пресекся, и он молча уставился на карандаш, сжав его в своей большой руке.

– Спасибо, Фредди, но я уйду.

Это я уже твердо решил, так как не хотел быть хромой птицей на летном поле и тоскливо глядеть, как мои товарищи взмывают в воздух. И не хотел, чтобы на меня глядели с жалостью, которую я видел сейчас на честном лице Фредди Каннингема и увижу на лицах других товарищей.

- Все же, Дуг, подумай, - предложил Каннингем.

- Н-нет, я уже решил.

- Что же думаешь делать?

- Прежде всего уехать из города.

- Куда?

- Куда-нибудь.

- А затем?

- Попытаюсь присмотреться, чем мне еще заняться в жизни.

Произнося «в жизни», я дважды заикнулся.

Каннингем кивнул, избегая встречаться со мной взглядом и по-прежнему уставясь на карандаш в руке.

- Как у тебя с монетой?

- На первое время хватит.

- Так помни, если что не так, тебе есть куда прийти.

- Буду помнить. А сейчас мне пора, - сказал я, взглянув на часы. - У меня свидание.

– Ишь ты! – со смехом воскликнул Каннингем, встал и крепко пожал мне руку.

Больше я ни с кем не простился.

Поставив свою машину на стоянке, я вышел и стал ждать. Из большого кирпичного здания с развевающимся флагом на фронтоне и латинской надписью по фасаду доносился нестройный приглушенный шум, такой знакомый и живо напоминавший о собственных школьных годах.

Пэт, наверно, сейчас на уроке. Рассказывает о Гражданской войне Севера и Юга Америки или о престолонаследии английских королей. Она весьма серьезно относится к преподаванию истории. «Это наиболее релевантный предмет», – однажды сказала она мне, употребив модное в те дни среди педагогов слово, которым они обозначали уместность. «Все, что происходит сегодня, – пояснила она, – это следствие того, что происходило в прошлом». Вспомнив эти ее слова, я криво усмехнулся. Итак, значит, тем, что я родился заикой и вырос, чтобы стать забракованным летчиком, я был обязан Миду, разгромившему при Геттисберге генерала Ли, либо же Кромвелю, который обезглавил короля Карла I? Пожалуй, Пэт позабавится, когда мы обсудим это на досуге.

В школе прозвенел звонок. Сдержанный академический гул превратился в счастливый рев по случаю долгожданной свободы, и несколько мгновений спустя нестройная орда учеников в ярких цветастых парках и шерстяных шапочках высыпала из всех дверей.

Как обычно, Пэт вышла одной из последних. Она была чрезвычайно добросовестной учительницей, и обыкновенно двое или трое учеников окружали ее у стола после урока, задавая вопросы, на которые она обстоятельно и терпеливо отвечала. Когда я наконец увидел ее, лужайка перед школой уже опустела, сотни детей исчезли, словно растаяли в лучах всегда бледного зимнего солнца в близком моему сердцу штате Вермонт.

Вначале Пэт не заметила меня. Она была близорука, но из смешной суетности не носила очки, а надевала их лишь при чтении или в кино. В ходу у меня была шутка, что она даже рояля в комнате не заметит.

Я стоял, прислонившись к дереву, и молча следил, как она, все еще не замечая меня, приближается ко мне, прижимая к груди папку со школьными тетрадями. Она была в коротком голубом пальто, красных шерстяных чулках и замшевых лыжных ботинках. Шла она, по своему обыкновению, быстрым шагом, сосредоточенно глядя перед собой. Ее головка с темными волосами, собранными в узел на затылке, была наполовину скрыта большим поднятым воротником пальто.

Увидев наконец меня, она улыбнулась, но не отчужденно, а приветливо. Объяснение, следовательно, предстояло более трудное, чем я ожидал. Мы не поцеловались. Всегда надо было считаться с тем, что кто-нибудь увидит из окна школы.

– Ты вовремя. Мои вещи там, – махнула она рукой по направлению к стоянке, где примостилась ее старенькая обшарпанная машина. Добрая часть ее жалованья уходила на взносы помощи беженцам из Биафры, голодающим индийским детям, политзаключенным в разных частях света. Дома у нее было, вероятно, не больше трех платьев.

– Говорят, что лыжня сегодня очень хороша. Походим на славу, – продолжала она, поворачиваясь, чтобы идти к стоянке.

Я удержал ее за руку.

– П-погоди м-минутку, – с трудом выговорил я, не обращая внимания на то, что она слегка покривилась от моего заикания. – Мне нужно что-то с-сказать тебе. Я н-не п-поеду.

– О! – с некоторым удивлением негромко воскликнула она. – А я думала, что ты свободен.

– Я с-свободен и н-не п-пойду на лыжах. Я у-уезжаю.

– На субботу и воскресенье?

– С-совсем.

Она прищурилась, словно внезапно потеряла меня из виду:

- И тебе больше нечего сказать мне?

- Н-ничего.

- Ах, ничего, - резко отозвалась она. - Может, все же сообщишь, куда уезжаешь?

- Еще с-сам н-не знаю.

- И не соизволишь объяснить почему?

- С-скоро с-сама узнаешь.

- Если у тебя несчастье, - тон у нее смягчился, - и я могу помочь...

- П-помочь н-не с-сможешь.

- Будешь писать мне?

- П-постараюсь.

Она поцеловала меня, не боясь, что могут увидеть из окон школы. И никаких слез. И ни слова любви. А ведь все могло быть иначе, если бы она сказала, что я дорог ей, что она любит меня.

- У меня скопилось много непроверенных работ. А снег еще долго пролежит. - Кивнув мне, она криво улыбнулась. - Желаю удачи везде и во всем.

Я проводил ее взглядом, когда она зашагала к стоянке. Маленькая, скромная, прежде такая близкая. Потом я сел в свою машину и, захлопнув дверцу, уехал.

В этот же день в шесть часов вечера я покинул свою просто обставленную квартиру, оставив в ней лыжное снаряжение и ботинки, только подбитую мехом парку я уложил в туристский мешок, чтобы передать брату Пэт, который был

примерно одного роста со мной. Хозяйке я сказал, чтобы она взяла себе мои книги и все, что осталось после меня в квартире.

Я решил уехать на юг налегке, покинув город, где, как теперь понял, прожил счастливо более пяти лет.

У меня не было определенной цели. Я собирался, как и сказал Фредди Каннингему, присмотреться, чем мне дальше заняться в жизни, и было все равно, где начинать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рассчитать свою дальнейшую жизнь... Времени для этого у меня было сколько угодно. Сидя за рулем своей маленькой машины, мчавшейся на юг вдоль всего восточного побережья Америки, я был предоставлен самому себе. По широким автострадам я уже миновал Вашингтон, Ричмонд, Саванну. Ничто не привлекало моего внимания, я находился в том состоянии полного одиночества, что погружает в философские размышления. Я думал о своих отношениях с Пэт и о многом другом в прожитой жизни. Из английской литературы я вынес по крайней мере тот взгляд на жизнь и отношения людей, что твой характер – это твоя судьба, а твои успехи и неудачи – следствие твоих достоинств и недостатков.

Однако теперь я уже не был в этом уверен. Я, конечно, не считал себя безупречным человеком, но, однако, был хорошим сыном, верным другом, добросовестным работником. Я не был жестоким, не нарушал законов, не соблазнял женщин, никогда не дрался, если не считать потасовок на школьном дворе. И все же... все же пришел к печальному концу в кабинете доктора Райяна.

Судьба человека – его характер. Но разве от этого зависела судьба тридцати миллионов европейцев, погибших во Второй мировой войне, или тех, кто от голода падал замертво на улицах Калькутты, или тех жителей древней Помпеи, которые были заживо сожжены огненной лавой?

Господствует случайность. Бросишь ли игральные кости, откроешь ли карту. Впредь следует, подобно игроку, полагаться лишь на свою удачу. Быть может, у меня – характер игрока, судьба теперь подтолкнула меня, и я сумею найти новый путь в жизни.

Приехав во Флориду, я стал проводить дни на скачках. Вначале все шло хорошо. Я выигрывал достаточно часто, чтобы жить припеваючи и не думать пока о работе. Никто ее, кстати, мне не предлагал, да я и сам не знал, за что именно взяться.

Жил я сам по себе, не заводил друзей, не сближался с женщинами. С некоторым удивлением я обнаружил, что у меня, по существу, нет никаких желаний. Меня не занимало, надолго ли это. Просто сейчас я не хотел никакого общения, никаких привязанностей.

С горьким наслаждением я ушел в себя, довольствуясь тем, что залитые солнцем длинные дни коротал на скачках, ел и пил в одиночестве, а вечерами изучал породу и чистоту кровей скакунов да повадки жокеев и тренеров. У меня оставалось много времени для чтения (доктор Райян заверил меня, что это не отразится на моем зрении), и я без разбору проглатывал массу дешевых книг в бумажных обложках, не находя, впрочем, в них ни пользы, ни вреда.

Я жил в маленьких отелях, переезжая из одного в другой, как только соседи становились чересчур навязчивыми. Когда окончился сезон скачек во Флориде, оказалось, что я выиграл несколько тысяч долларов, с которыми и прибыл в Нью-Йорк. Там я не стал ходить на ипподром – мне это уже наскучило, – а продолжал играть через букмекеров. В то же время я часто бывал в театрах и кино, уходя на несколько часов в ирреальный мир. Нью-Йорк вполне подходит для человека, который предпочитает одиночество. Самый удобный в этом смысле город, где без всяких усилий сразу почувствуешь себя одиноким и никому не нужным.

Однако в Нью-Йорке счастье изменило мне, и в начале зимы, чтобы как-то прожить, мне уже надо было искать работу. И тут как раз подвернулось место ночного портье в отеле «Святой Августин».

Было далеко за полночь, когда я подытожил последние счета от 15 января. Почувствовав голод, я потянулся за сэндвичем и бутылкой пива и в это время услышал шаги женщины, быстро спускавшейся по лестнице.

Включив свет в вестибюле, я увидел, как женщина торопливо, почти бегом, устремилась к моей конторке. Она выглядела неестественно высокой в туфлях на толстых подошвах и огромных каблуках. На ней была белесая шуба из искусственного меха и блондинистый парик, который никого не мог бы ввести в заблуждение. Я узнал в ней ту шлюху, которая вскоре после полуночи пришла с мужчиной из 610-го номера. Шел четвертый час ночи; ее пребывание в номере слишком уж затянулось, что и было заметно по ней. Она подбежала к запертой парадной двери, тщетно надавила кнопку испорченного звонка, а потом кинулась к моей конторке.

Постучав в пуленепробиваемое стекло, она громко крикнула:

– Откройте дверь. Я ухожу.

Достав ключ из ящичка стола, где держал и пистолет, я вышел из своей конторки в примыкавшую клетушку, уставленную сейфами. Еще в ней громоздился допотопный несгораемый шкаф исполинских размеров. Шкаф и сейфы остались от прежних дней – я же упоминал, что отель знавал лучшие времена. Теперь хранить сокровища было некому, и сейфы пылились за ненадобностью. Я отомкнул дверь каморки и вышел в вестибюль. Женщина последовала за мной. Дышала она тяжело. Ее профессия была явно не спортивной и не могла научить ее быстро бегать по лестницам среди ночи. На вид ей было лет тридцать, но, едва взглянув на нее, вы сразу бы заметили, что жизнь у нее не из легких. Вот такие женщины, шмыгавшие по ночам в отель, были для меня веским доводом в пользу безбрачия.

– Почему вы не спустились в лифте?

– Вызвала его, но тут какой-то чокнутый голый старик выскочил из номера и кинулся ко мне. Он дико хрипел и замахивался на меня.

– Чем з-замахивался?

– Не могла понять. Не то палкой, не то, может, бейсбольной битой. Вы же, убудки, экономите на освещении, и в коридорах почти совсем темно. – Голос у нее был хриплым от виски. – Я не стала ждать, чем это кончится, и убежала. Если вам нужно, найдете его на шестом этаже. Откроете вы наконец эту проклятую дверь? Я хочу домой.

Я отпер большие зеркальные двери, усиленные чугуновой решеткой (хозяин нашего отеля был человек предусмотрительный). Женщина нетерпеливо толкнула их и выскочила на темную улицу. Я постоял немного в дверях в надежде увидеть патрульную полицейскую машину и попросить полисмена сойти вместе со мной на шестой этаж, поскольку платы за героизм мне не полагалось. Однако улица была пустынная, и лишь вдалеке, на Парк-авеню, слышался звук сирены. Заперев двери, я не спеша побрел к себе в конторку, с грустью размышляя о том, что мне, как видно, суждено провести остаток дней своих, впуская и выпуская шлюх по ночам.

Хвалите Его с тимпаном и ликами,

хвалите Его на струнах и органе.

Положив обратно ключ, я поглядел на пистолет, но решил не брать его.

Он не помог моему предшественнику, когда как-то ночью двое наркоманов, ограбив кассу, избили его и оставили лежать в луже крови с пробитой головой.

Надев пиджак, дабы выглядеть посолидней, я собрался на шестой этаж. У лифта в нерешительности остановился, подумав, что, быть может, плюнуть на все, вернуться в конторку, забрать пальто, сэндвич и пиво и убраться подобру-поздорову. На кой черт мне такая работа? Но в самый последний миг, когда двери лифта уже начали закрываться, я ступил в кабину.

На шестом этаже я нажал кнопку, чтобы двери лифта оставались открытыми, и осторожно вышел в коридор. Из приоткрытой двери 602-го номера, который находился наискосок от лифта, падала полоса света. На потертом ковре коридора ничком лежал голый мужчина. Голова и спина его были в тени, а сморщенные старческие ягодицы и исхудалые ноги – на самом свету. Левая рука была вытянута, пальцы скрючены, словно, падая, он пытался что-то схватить. Правую руку он подогнул под себя. Наклонившись, чтобы повернуть его, я понял,

что уже никто и ничто ему не поможет.

Тело этого грузного человека с большим отвисшим животом было очень тяжелым, я с трудом повернул его на спину. И тут я увидел то, чем он, по словам шлюхи, замахивался на нее. То был тубус – большой продолговатый футляр для чертежей. Его-то в полутьме шлюха и приняла за палку. Человек еще сжимал его в правой руке. Я бы и сам испугался, если бы в полутемном коридоре на меня вдруг бросился голый мужчина, замахиваясь каким-то большим предметом.

Когда я взглянул на лицо мертвеца, мурашки побежали у меня по спине. Его широко открытые глаза неподвижно уставились в пространство, рот искривился и застыл в последней мучительной гримасе, с плешивого черепа клочьями свисали седые волосы. Не было ни крови, ни следов какого-либо ранения. Толстое круглое лицо старика с большим мясистым носом было мне совершенно незнакомо.

Борясь с тошнотой, подступившей к горлу, я опустил на одно колено и приник ухом к груди старика. Грудь у него была почти безволосая. В нос мне ударил кисловатый запах старческого пота. Никаких признаков жизни. «Господи, старик, – подумал я, – неужто ты не мог умереть не в мое дежурство?»

Я нагнулся, схватил безжизненное тело под мышки и затащил его обратно в номер. У меня уже был достаточный опыт службы в отеле, чтобы знать, что мертвеца нельзя оставлять лежать в коридоре, а надо поскорей все скрыть от других постояльцев.

Когда я тащил мертвеца, футляр выкатился из-под него и остался в коридоре. Я оставил тело на полу рядом с кроватью, на которой в беспорядке были разбросаны смятые простыни и одеяла. Простыни и подушки были перепачканы губной помадой. Должно быть, той дамочки, которую я выпустил во втором часу ночи. С некоторой жалостью я посмотрел на немощное старческое тело, распростершееся на линялом ковре, на жалкую стариковскую плоть. Надо же так – последнее наслаждение. И сразу за ним – смерть.

На столике возле кровати стоял открытый чемоданчик из дорогой кожи. Рядом лежал потертый бумажник и кошелек с золотым тиснением. В чемодане я разглядел три аккуратно сложенные чистые рубашки.

На столике была разбросана кое-какая мелочь. Я сосчитал деньги в кошельке. Сорок три доллара. Положив кошелек на место, я взял в руки бумажник. Обнаружив в нем десять новехоньких хрустящих стодолларовых купюр, я присвистнул от удивления. Что бы тут ни произошло ночью, старик не был ограблен. Сунув деньги обратно в бумажник, я аккуратно положил его на то же место на столике. Я знал заповедь «не укради» и соблюдал ее. Как, впрочем, и многие другие.

Я снова кинул взгляд на открытый чемодан. Помимо рубашек, в нем были две пары мужских трусов старого образца, полосатый галстук, две пары носков и синяя пижама. Да, теперь постоялец номера 602, кто бы он ни был, задержится в Нью-Йорке дольше, чем собирался.

Вид мертвого тела угнетал меня, и потому я стащил с кровати одно из одеял и накрыл его с головой. Стало как-то легче, когда смерть обрела только геометрические очертания тела, лежащего на полу.

Затем я вышел в коридор и подобрал футляр. На нем не было никаких ярлыков или надписей. Когда я внес его в номер, то заметил, что он с одного края немного надорван. Я было собрался сунуть этот футляр к другим вещам, как вдруг мне бросился в глаза торчащий в надорванном месте зеленый уголок банкноты. Я вытащил ее, и это оказалась стодолларовая бумажка. В отличие от новеньких денег в бумажнике, эта была старой и измятой.

Внимательно осмотрев футляр, я увидел, что он туго набит стодолларовыми купюрами. Придя в себя от удивления, я засунул обратно сотенную бумажку и тщательно закрыл надорванный край футляра.

Сунув футляр под мышку, я выключил свет в номере и запер его. Все мои движения были быстры и уверенны, как у хорошо отрегулированного автомата, словно я всю жизнь готовился к такому случаю и ничего иного тут и быть не могло.

Я вернулся к себе и прошел в маленькую, глухую, без окон, комнатку, примыкавшую к моей конторке. В ней полки были завалены канцелярскими принадлежностями, старыми счетами, потрепанными журналами прошлых лет, забытыми в номерах. Они пестрели фотографиями ушедших в небытие

политиканов, голых девочек (их теперь, увы, уже не стоило снимать), ослепительно притягательных женщин, убийц с моноклями, кинозвезд, тщательно позирующих писателей – словом, обычное месиво прошлой и современной Америки. Не колеблясь, засунул я чертежный футляр с деньгами в этот ворох скандалов, сплетен и восторгов.

Потом я вызвал по телефону «скорую помощь» и уселся за стол, занявшись сэндвичем и бутылкой пива. За едой я отыскал запись в книге регистрации приезжающих, указавшую, что 602-й номер занял за день до этого Джон Феррис, домашний адрес: Чикаго, Северное Мичиганское авеню.

Едва только я допил пиво, как услышал звонок и увидел снаружи машину «скорой помощи» и вышедших из нее двоих мужчин. Один был в белом халате со свернутыми носилками в руках; другой, в синей форме, нес черную сумку, однако я знал, что и он не был врачом. В Манхэттене[2 - Район Нью-Йорка.] не тратились на врачей, а посылали по вызовам «скорой помощи» санитаров, которые могли оказать на месте первую помощь, не доконав пациента. Когда я открыл входную дверь, подъехала патрульная полицейская машина, из которой вылез коренастый полисмен с тяжелым подбородком и темными, нездоровыми кругами под глазами.

– Что у вас тут случилось? – спросил он.

– На шестом этаже старик загнулся, – ответил я.

– Пройду с ними, Дейв, – сказал полисмен своему напарнику, сидевшему за рулем. Было слышно, как у них в машине служебное радио передавало сообщения о несчастных случаях, избиениях жен, самоубийствах и названия улиц, где были замечены подозрительные личности.

Я повел их как ни в чем не бывало. Молодой санитар поминутно зевал, словно не спал неделю. Я заметил, что работающие ночью выглядят так, будто несут наказание за какой-то тяжкий неведомый грех. Тяжелые шаги полисмена гулко отдавались в пустом вестибюле, впечатление было такое, что он шествовал один. Все молчали, поднимаясь в лифте, который наполнился специфическим больничным запахом. Бог с ним, с запахом, подумалось мне, а вот полисмена лучше бы не было.

Когда мы поднялись на шестой этаж, я провел их в 602-й номер. Санитар сдернул одеяло с мертвеца и наклонился к нему, приложив к его груди стетоскоп. Полицмен остановился у кровати, внимательно разглядывая смятые простыни со следами губной помады, одеяла и вещи на столике.

– А вы здесь кем? – спросил он меня.

– Ночной портье.

– Ваша фамилия?

Полицмен задавал вопросы таким тоном, словно заранее был уверен, что любое имя, которое я назову, будет липовым. Интересно, что бы он сделал, если бы я ответил: «Меня зовут Озиманидиас. Царь царей». Возможно, вынул бы свою черную записную книжку и записал:

«Свидетель назвался Озиманидиасом. Вероятно, кличка». Это, конечно, был настоящий ночной полицейский, обреченный бродить в темноте по городу, кишашему преступниками.

– Моя фамилия Граймс.

– А где женщина, что была здесь с ним?

– Понятия не имею. Я выпустил одну этой ночью. Может быть, это она и была. – Мысленно я удивился, что говорю совершенно не заикаясь.

Санитар поднялся, вынул из ушей резиновые трубки стетоскопа и без всякого выражения произнес:

– Обнаружен мертвым.

Это я мог сказать и без него. Вообще меня удивило, как много в большом городе формальностей, связанных со смертью.

– Причина смерти? Ранения есть?

- Нет. Наверно, отказало сердце.

- Что-нибудь еще надо сделать?

- Ничего. Теперь уже все, - ответил санитар. Однако он снова наклонился, оттянул веко и взгляделся в остекленевший глаз мертвеца. Затем пощупал пульс у горла. Движения его были ловкими и умелыми.

- Вы, видно, знаете, как обращаться с мертвецами, дружок, - заметил я. - Должно быть, большая практика.

- Второй год на медицинском. А этим занимаюсь, только чтоб прокормиться.

Полисмен подошел к столику и взял в руки кошелек.

- Здесь сорок три доллара, - сказал он и открыл бумажник. Его густые брови удивленно поднялись, когда, вытащив деньги, он, шелестя бумажками, сосчитал их.

- Ого, тысяча.

- Вот те на! - громко изумился я. Это был неплохой ход с моей стороны, хотя по тому, как полисмен взглянул на меня, я заключил, что мое удивленное восклицание не произвело на него впечатления.

- Сколько тут было денег, когда вы обнаружили труп? - спросил он. Его вопрос звучал весьма недружелюбно. Возможно, в дневную смену он был другим человеком.

- Не имею ни малейшего представления, - твердо ответил я. То, что я не заикался, было подлинным триумфом.

- Вы хотите сказать, что не посмотрели?

- Совершенно верно.

– Та-ак. А почему?

– Как «почему»? – с невинным видом переспросил я.

– Почему не посмотрели?

– Мне это в голову не пришло.

– Та-ак, – снова повторил полисмен и опять пересчитал деньги. – Одни сотенные. Странно, что человек с такими деньгами не мог найти лучшего места, чем ваш задрипанный отель. – Положив деньги обратно в бумажник, он прибавил: – Полагаю, лучше забрать их в участок. Кто-нибудь желает пересчитать?

– Мы вам доверяем, – сказал санитар с едва уловимой иронией в голосе. Санитар был молод, но уже искушен и в смертных случаях, и в житейских делах.

Толстыми, похожими на обрубки пальцами полисмен обшарил остальные отделения бумажника.

– Странно, – пожал он плечами.

– Что странно? – поинтересовался санитар.

– В бумажнике нет ни кредитных, ни служебных карточек. Нет даже водительских прав. И это у человека, который носит при себе более тысячи долларов наличными. – Недоуменно покачав головой, полисмен сдвинул фуражку на затылок. – Нормальным это не назовешь, не так ли? – недовольно произнес он, словно мертвец вел себя не так, как положено американцу, который должен знать, что и после смерти, как и при жизни, о нем будет бдительно заботиться полиция. – Вы знаете, кто он такой? – обратился он ко мне.

– Никогда прежде в глаза не видал, – отвечал я. – Он из Чикаго, фамилия его Феррис. Я покажу вам запись в книге регистрации приезжающих.

Полисмен положил бумажник к себе в карман, быстро осмотрел рубашки, носки и белье покойного. Затем открыл стенной шкаф и обыскал карманы висевших там пальто и костюма.

– Ничего, – буркнул он. – Ни записной книжки, ни писем. Совершенно ничего. И это у человека с плохим сердцем. У иных людей, как видно, здравого смысла не больше, чем у лошади. Итак, приступаю к описи вещей в присутствии свидетелей.

Составление описи не отняло у него много времени.

– Вот здесь подпишитесь, – указал он мне.

Я бегло пробежал взглядом список («Одна тысяча сорок три доллара наличными, чемодан коричневый один, не запертый, костюм один, пальто серое одно, шляпа одна...») и расписался вслед за полисменом.

– Кто набросил на него одеяло? – спросил затем полисмен.

– Я набросил.

– Вы нашли его здесь на полу?

– Нет, он лежал в коридоре.

– Голый, как и сейчас?

– Да, голый. И я втащил его сюда.

– Для чего вам это понадобилось? – как-то сокрушенно спросил полисмен. По лицу его было видно, что он силится понять.

– Здесь же отель, – пояснил я. – Мы должны соблюдать порядок. Делать вид, что ничего не произошло.

– Вы что, хотите быть умнее всех? – проворчал полисмен.

– Вовсе нет. Но если бы я оставил покойника лежать в коридоре и кто-нибудь из наших постояльцев увидел его, то хозяин сжил бы меня со свету.

- В следующий раз, где бы вы ни нашли мертвое тело, не трогайте его до прибытия полиции. Поняли?

- Да, сэр.

- Ночью вы один в отеле?

- Да, один.

- Всю работу делаете сами?

- Конечно.

- Как вышло, что вы очутились здесь? Вам позвонили по телефону или кто-нибудь пришел и сообщил?

- Женщина, уходившая из отеля, сказала мне, что на шестом этаже какой-то голый сумасшедший старик пристал к ней. - Словно прислушиваясь со стороны, я отметил, что, отвечая полисмену, ни разу не заикнулся.

- Хотел, что ли, переспать с ней?

- Именно это она и подразумевала.

- Что это была за женщина?

- Должно быть, проститутка.

- Вы когда-либо прежде видели ее?

- Нет.

- К вам в отель приходит много женщин, не так ли?

- Я бы не сказал, что так уж много.

Полисмен опустил голову и уставился на посиневшее, искажившееся лицо старика. Потом обратился к санитару:

- Послушайте, приятель, как давно он умер, по-вашему?

- Трудно сказать. Что-нибудь от десяти минут до получаса. Вы вызвали нас сразу, как только нашли тело? - спросил у меня санитар. - Ваш вызов поступил в три пятнадцать.

- Сперва я послушал, бьется ли у него сердце. Потом втащил сюда, накрыл одеялом. После этого спустился вниз и позвонил вам.

- Вы пытались привести его в чувство?

- Нет, не пытался.

- Почему?

В вопросе санитаря не было придирки. Был очень поздний час, он, конечно, устал и спросил лишь для проформы.

- Мне не пришло в голову.

- Уж очень многое не приходило вам в голову, - мрачно заметил полисмен. Подобно санитару, он также вел себя по установленному распорядку, в который входило и подозрение. Однако, по существу, все это было ему безразлично и даже, казалось, давно надоело.

- Что ж, давайте мы заберем его, - предложил санитар. - Нет смысла зря терять время. Когда свяжетесь с его семьей, - снова обратился он ко мне, - узнайте, как они собираются хоронить его, и сообщите в морг.

- Сейчас же отправлю телеграмму в Чикаго, - пообещал я.

Санитар и шофер «скорой помощи» уложили тело на носилки.

– Тяжеленный, сукин сын, – заметил шофер. – Жрал, видно, в три горла, старый козел. Ишь ты, голым приставал к бабенке. И хоть бы было чем!

Завернув труп в простыню, они пристегнули его ремнями к носилкам. В лифте носилки пришлось поставить почти стоймя, иначе они не помещались.

– Беспокойная была ночь? – спросил я санитар, когда мы спускались в лифте.

– Четвертый вызов, – ответил он. – Могу поменяться с вами работой.

– Ну да, охота вам просиживать ночи напролет за счетной машинкой, когда скоро вы начнете загребать денежки. В газетах вон пишут, что врачи у нас зарабатывают больше всех.

– Боже, услышь это и благослови Америку! – воскликнул санитар, выходя из лифта.

Я открыл им парадную дверь и глядел, как ловко они поставили носилки с телом в санитарную машину. В патрульной машине второй полисмен крепко спал за рулем, негромко посапывая. Завыла сирена, и «скорая помощь» быстро скрылась из виду.

– Какого черта они торопятся? – сказал полисмен, стоявший рядом со мной на ступеньках.

– А напарник-то ваш заснул.

– Проснется, если будет вызов. Чутье у него, как у собаки. Пусть пока отдохнет. Хотел бы я иметь его нервы, – со вздохом добавил он. – Пойдемте заглянем в вашу книгу регистрации приезжающих.

Мы вернулись в мою конторку. Проходя через смежную комнатку, я старался не глядеть на полку, где среди канцелярских принадлежностей и старых журналов лежал принесенный мной футляр.

– Если хотите выпить, у меня есть бутылка виски, – предложил я, радуясь про себя тому, что пока все идет благополучно. Мной словно управлял компьютер, в

который правильно заложили все необходимые данные. Но все же требовалось некоторое усилие, чтобы не глядеть на полку, где лежал футляр.

- Я на службе, - протянул полисмен. - Но глоточек все же не повредит.

Я отыскал в книге регистрации приезжающих запись о въезде постояльца в 602-й номер, и полисмен старательно переписал ее в свою записную книжку. История Нью-Йорка, по-видимому, наиболее верно отражена в записях полицейских книжек. Сочтите это, пожалуйста, интересным археологическим открытием.

- Стакана, извините, нет, - заметил я, откупоривая бутылку виски.

- Ничего, из горлышка сойдет, - сказал полисмен. - Лехаим, - добавил он, приветственно приподнял бутылку и основательно отхлебнул из нее.

- Вы еврей? - любопытствовал я, когда полисмен протянул бутылку мне.

- Нет. Напарник научил. А он еврей.

«Лехаим». За жизнь! Это я помнил с тех пор, как посмотрел на Бродвее знаменитый мюзикл «Скрипач на крыше».

- Пожалуй, последую-ка я вашему примеру, - произнес я, поднося бутылку ко рту. - Эта ночка мне еще долго сниться будет.

- Ну, эта ночь - пустяки. Нам часто и похуже приходится.

- Да уж, представляю себе.

- Однако пора идти, - сказал полисмен. - Утром к вам пожалует инспектор. Чтоб до его прихода номер был заперт, понятно?

- Передам утром моему сменщику.

- Эх, ночная работа, - вздохнул полисмен. - Вы хорошо спите днем?

– Прекрасно.

– А вот я не могу. – Он печально покачал головой. – Видите, какие круги под глазами.

Я проводил его к выходу и следил, как не спеша, вразвалку подошел он к патрульной машине, вскарабкался в нее и разбудил напарника. Они медленно покатали по молчаливой пустынной улице, а я поспешил к себе, чтобы отправить телеграмму.

Прозвучало по меньшей мере десять гудков, пока мне ответили. Страна в полном упадке, подумал я, ожидая. Никакого движения, никто не отвечает.

– «Вестерн юнион», – наконец послышалось в трубке.

– Примите телеграмму в Чикаго, – сказал я, затем продиктовал адрес и по буквам фамилию адресата.

– Прошу текст.

– Сожалением извещаем кончине Джона Ферриса сегодня три пятнадцать тчк Прошу немедленно сообщить ваши указания тчк Друзек отель Святой Августин Манхэттен Нью-Йорк, – продиктовал я.

К тому времени, когда придет ответ, Друзек уже появится в отеле, а мое дело сторона. И вовсе ни к чему, чтобы в Чикаго знали мое имя.

Мне сообщили стоимость телеграммы, и я пометил ее на листке с текстом. Старина Друзек поставит ее, конечно, в счет Феррису.

Глотнув еще виски, я уселся во вращающемся кресле и раскрыл Библию. За ней я решил провести время до прихода моего сменщика.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рассказав утром сменщику обо всем (или, точнее, почти обо всем), что случилось прошедшей ночью, я поехал домой на такси. Как обычно, оставил в конверте записку букмекеру, в которой указывалось, что ставлю пять долларов на Глорию во втором заезде в Хайалиа. Пока что было бы разумно вести себя так, как будто ничего не случилось.

Ограбления, причем в любое время суток, отнюдь не были редкостью даже в районе Восьмидесятых улиц восточной части Манхэттена, где я жил. Ехать в такси было, конечно, роскошью, но уж больно мне не хотелось, чтобы меня грабнули именно сегодня. Улучив минутку, когда сменщик был занят, я достал с полки футляр. В вестибюле никого не было, да если бы кто и встретился – ничего нет особенного в том, что человек несет с собой картонный футляр для чертежей.

Хотя я не спал всю ночь, голова была ясная. Обычно, когда погода позволяла, весь путь до дома (тридцать кварталов или чуть больше) я преодолевал пешком, заходил позавтракать в бистро на Второй авеню и, возвратясь домой, заваливался спать часов до двух пополудни. Но сегодня я не хотел, да и не мог заснуть.

Войдя в свою однокомнатную квартирку – окна в ней запотели от ночного холода, – я, даже не сняв пальто, прошел на кухню и открыл бутылку пива. Потягивая пиво, ножом разрезал футляр и окончательно убедился, что сверху донизу он набит стодолларовыми бумажками.

Одну за другой я осторожно вытаскивал их, тщательно разглаживал и раскладывал на кухонном столе пачками по десять штук в каждой. Когда я закончил, на столе лежало сто пачек. Сто тысяч долларов. Они покрыли весь стол.

Молча уставился я на деньги, лежащие на столе. Допил пиво. Я не ощущал ни страха, ни радости, ни раскаяния – вообще ничего. Машинально взглянул на часы. Без двадцати девять. Банки откроются через двадцать минут.

Достав из стенного шкафа небольшую сумку, я уложил в нее все деньги. Ключ от квартиры был лишь у меня одного, но тем не менее не следовало рисковать. С сумкой в руках я спустился вниз и вышел на улицу. За углом в магазине канцелярских принадлежностей купил пакет резинок и три плотных больших

конверта, самых больших, что были в магазине.

Вернувшись обратно к себе, я запер дверь и на этот раз снял пальто и пиджак. Затем уселся и не торопясь, аккуратно обвязав резинкой каждую пачку денег, складывал их в конверты. Тысячу долларов положил к себе в бумажник на всякие расходы.

Запечатывая конверты, я морщился от вкуса клея, когда облизывал края. Открыл еще бутылку пива и пил маленькими глотками, не сводя глаз с толстых конвертов на столе.

Квартирку я снял полностью обставленной. Из моих вещей в ней были только книги. Да и тех немного. Обычно я выбрасывал книги по прочтении. Поскольку тепла в квартире никогда не хватало, мне приходилось, сидя за книгой, натягивать на себя подбитую мехом лыжную куртку. В это утро было, как всегда, прохладно, но хотя я был в одной рубашке, мне было даже жарко.

У меня уже созрело решение, что следует предпринять. Прежде всего уйти с работы, уехать из города. На дальнейшее пока не было никаких планов, но я понимал, что вскоре несомненно появится тот, кто ищет эти сто тысяч долларов.

В банке на двух специальных карточках я начертил образец своей подписи. Рука у меня была совершенно твердой. Запечатанные конверты с деньгами лежали передо мной на столе, за которым я сидел. Принимал меня молодой, очень вежливый банковский клерк с бесполом лицом монаха. Беседа с ним была короткой и деловитой. До этого я побрился и тщательно оделся. От прежних дней у меня остались два вполне приличных костюма, и я надел тот, что выглядел более строгим. Мне хотелось производить впечатление солидного человека, хотя, может, и небогатого (конечно же, небогатого), но скромно преуспевающего, осмотрительного, у которого могут быть облигации и другие денежные документы, слишком ценные, чтобы держать их у себя дома.

– Пожалуйста, ваш адрес, мистер Граймс.

Я назвал адрес отеля «Святой Августин». Если кто-нибудь, разыскивая меня, забредет в этот банк (а это весьма маловероятно), то ничего нового обо мне не узнает.

- Вы один будете иметь доступ в сейф?

Уж наверняка никого другого не нужно, подумал я, но вслух просто сказал:

- Да, я один.

- Оплата двадцать три доллара в год. Как вы желаете уплатить - наличными или чеком?

- Наличными, - ответил я и протянул клерку сто долларов. На его лице ничего не отразилось. Очевидно, он считал, что я вполне похожу на клиента, который запросто носит с собой стодолларовые бумажки. Я счел это хорошим предзнаменованием.

Благоговейно разгладив кредитку, клерк отправился в кассу. Я же непринужденно сидел у стола, кончиками пальцев притрагиваясь к своим конвертам. Как это ни удивительно, все это время я совсем не заикался.

Мне вручили сдачу и квитанцию, и я последовал за клерком в банковский подвал. Там царил невозмутимая, почти набожная тишина, побуждавшая говорить шепотом. Цветные витражи в окнах были к месту в этом подвале, хранившем легенды о способностях и талантах вкладчиков. Служитель подвала дал мне ключ от моего сейфа и повел в глубь молчаливого храма денег.

Идя со своими конвертами в руках, я невольно спрашивал себя, откуда все эти богатства, как были собраны банкноты, акции, облигации, драгоценности, хранящиеся здесь в запертых ящиках, сколько было пролито пота и крови, сколько совершено преступлений, через сколько жадных рук прошли все эти ценности и деньги, чтобы залечь потом в этой священной стальной пещере.

Когда он своим и моим ключом отпер два разных замка и вытащил из гнезда мой ящик, я бросил взгляд на служителя. То был старик с нездоровым, бледным от постоянного пребывания в стальном подземелье лицом. Он производил впечатление человека, безразличного ко всему и мало о чем размышляющего. По-видимому, сюда подбирали именно таких людей. Пытливый человек тут быстро сошел бы с ума. Не мешкая служитель отвел меня в уютную кабинку с занавесками и, уважая тайну частной собственности, оставил наедине с моим

ящиком.

Я вскрыл конверты и переложил все деньги в ящик. Глядя на аккуратно уложенные пачки долларов, я тщетно пытался предугадать, к чему же в конце концов они меня приведут. У меня было такое ощущение, будто я гляжу на еще не включенную мощную машину, обладающую страшной силой.

Я закрыл ящик, крышка его захлопнулась, тихонько лязгнув. Вместе со служителем мы прошли вдоль длинного ряда сейфов к тому месту, где он поставил в гнездо мой ящик, заперев его на два замка. Свой ключ я опустил в карман.

– Благодарю вас, – сказал я тем тоном, каким благодарят вежливые полицейские. – Счастливо оставаться.

– Хе-хе, – хрипло отозвался старик. У него, должно быть, с детских лет не было счастливого дня.

Я вышел из подвала на залитый зимним солнцем проспект. Пока все хорошо, подумал я.

Дома я быстро собрался, захватив с собой лишь самые необходимые вещи. В короткой записке известил хозяйку, что оставляю квартиру. Долгов за мной не было, квартирная плата вносилась за месяц вперед. Записку и ключ от квартиры я вложил в конверт, который опустил внизу в почтовый ящик хозяйки. И ушел из дома, ни разу не оглянувшись.

Сев в такси, я попросил отвезти меня в отель в Центральном парке – это противоположная, западная часть Манхэттена. В этом районе жить мне не приходилось, да и посещал я его довольно редко. Хотя я и работал по ночам и вообще вел затворнический образ жизни, в Ист-Сайде были люди, которые меня знали. Взять хотя бы моего букмекера или бармена из бистро, в котором я время от времени пропускал рюмочку-другую, или официантку из итальянского ресторанчика... Любой из них и наверняка кое-кто еще могли опознать меня в том случае, если бы кому-то пришло в голову всерьез взяться за мои поиски. Со временем мне, конечно, придется перебраться еще подальше, но пока подойдет и противоположный от Ист-Сайда конец Центрального парка. Кстати говоря, бежать куда глаза глядят я не собирался, прекрасно понимая, что следует хотя

бы один день спокойно обо всем подумать и решить.

В этом отнюдь не шикарном деловом отеле, куда вряд ли приехал бы тот, кому неожиданно свалилось большое богатство, я попросил номер с ванной.

Зарегистрировался под именем Теодора Брауна из города Камдена, штат Нью-Джерси, где никогда в своей жизни не бывал, и в сопровождении посыльного, понесшего мои вещи, направился в отведенный мне номер. Я присматривался к шагавшему рядом со мной посыльному, к его узкому несимпатичному лицу. Он был молод, но не было душевной простоты в его бегающем настороженном взгляде и сжатых кривившихся губах, свидетельствовавших о порочности и продажности.

Когда мы вошли в номер с окнами, выходившими в парк, посыльный нарочито засуетился (перекладывал с места на место два моих чемодана, зажег свет в ванной), явно стараясь выжать из меня чаевые.

– Не можете ли вы оказать мне услугу? – сказал я, вынимая пять долларов.

При виде денег глаза посыльного заблестели, но он сказал:

– Смотря какую. Управляющий не любит, чтоб приводили девочек.

– Не о том речь. Мне бы хотелось сыграть на скачках, но я приезжий... – Входя в новую жизнь, я не отказывался от старых привычек. Из конюшен недавних надежд легким галопом опять выскочила Глория.

Посыльный показал плохие зубы, что у него, очевидно, означало улыбку.

– У нас есть свой букмекер. Через пятнадцать минут я приведу его к вам.

– Очень хорошо, – кивнул я и дал ему пять долларов.

– Весьма благодарен, сэр, – оживился посыльный, и бумажка тут же исчезла из виду. – А не скажете ли, на кого собираетесь поставить?

– На Глорию.

– Ставки на нее один к пятнадцати, – заметил посыльный, бывший, надо полагать, вполне в курсе этих дел.

– Совершенно верно.

– Ин-те-рес-но, – протянул он. И можно было не сомневаться, как он намерен использовать полученные деньги. Ловкач и проныра, он все же проживет и умрет в бедности.

Когда он ушел, я ослабил узел галстука и прилег на кровать, хотя вовсе не устал. Подходящее утречко, чтобы пустить на ветер немного денег, усмехнулся я про себя. Потом отметил, что рассуждаю примерно так же, как зазывалы из телевизионных реклам.

Букмекер не заставил себя ждать. Рослый грузный толстяк в поношенном костюме с тремя авторучками в нагрудном кармане, он пыхтел, когда двигался, или же, сидя, говорил высоким тонким голосом, весьма удивительным для этого массивного существа.

– Привет, дружище, – фамильярно обратился он, войдя ко мне и оглядев меня и всю комнату быстрым оценивающим взглядом, ничего не упускавшим из виду. – Морис сообщил, что у вас небольшое дельце ко мне.

– Да, небольшое, – кивнул я. – Хочу поставить на Глорию во втором заезде в Хайалиа... – На мгновение я замялся. – Триста долларов. С утра ставки принимали из расчета один к пятнадцати, – заключил я с такой беспечностью, как если бы взлетел в открытом самолете на высоту в семь тысяч метров без кислородной маски.

Толстяк вынул из кармана сложенный лист бумаги, развернул его и, водя по строчкам, некоторое время сосредоточенно изучал записи.

– Могу принять один к двенадцати, – наконец сказал он.

– Ладно, – согласился я и вручил ему три сотенные. Букмекер тщательно, на ощупь и на свет, проверил каждую сотенную, изредка при этом поглядывая на меня с осторожной, еще неуверенной почтительностью.

– Моя фамилия... – начал я.

– Я уже знаю вашу фамилию, мистер Браун, – перебил букмекер и, выхватив из нагрудного кармана одну из авторучек, сделал пометку на своем листе бумаги. – Расплачиваюсь я в шесть часов вечера внизу в баре.

– Увидимся в шесть.

– Надеемся на лучшее, – без улыбки пожелал он мне. – В любом случае Морис всегда знает, где найти меня.

После его ухода я распаковал вещи. Когда в числе прочего доставал бритву, она упала на пол и отскочила под комод. Шаря рукой под комодом, я вместе с бритвой и кучей пыли вытащил также и серебряный доллар. Как видно, в этом отеле не очень-то старательно убирали в номерах. Тем хуже для них, подумал я, обтер доллар и сунул его в карман. Сегодня мне определенно везло во всем.

Взглянув на часы, я увидел, что уже около двенадцати. Решительно сняв трубку, я попросил, чтобы меня соединили со «Святым Августином».

По обыкновению, прошло не менее тридцати секунд, пока мне оттуда ответили. Наша телефонистка Клара относилась ко всем вызовам как к неуместному вторжению в ее личную жизнь, которая, насколько мне было известно, заключалась главным образом в чтении журналов по астрологии. И потому она считала, что следовало доступными ей средствами наказывать тех, кто своими звонками отрывал ее от поисков самого лучшего гороскопа, который предскажет ей богатство, славу и встречу с молодым, красивым и смуглым незнакомцем.

– Алло, Клара, – сказал я. – Хозяин пришел?

– Конечно. Все утро сидит у меня на шее, чтобы я дозвонилась вам. Какой же у вас, черт возьми, номер телефона? Нигде не могу найти. Звонила в отель, что указан как ваш адрес, но там ничего не знают о вас.

– То было два года назад. Я переехал. – И действительно, за это время я четыре раза переезжал. Как истый американец, я постоянно стремился к перемене мест. – У меня нет телефона, Клара.

– О, счастливец.

– Повторите это еще раз, Клара, и соедините меня с хозяином.

– Боже мой, Граймс, – услышал я в трубке возбужденный голос хозяина, – из-за вас я попал в очень неприятное положение. Сейчас же приезжайте и помогите все выяснить.

– Мне очень жаль, мистер Друзек, – проговорил я как можно более огорченным тоном, – но сегодня я чрезвычайно занят. А в чем дело?

– Вы еще спрашиваете? – заорал Друзек. – В десять утра пришел ответ, что нет никакого Джона Ферриса по тому адресу, куда вы послали телеграмму.

– При регистрации он сообщил тот адрес, который с его слов записан в книге.

– Приезжайте и скажите это полиции. Утром у нас был инспектор, а потом приходили два каких-то типа. Даю голову на отсечение, что они были с оружием. Разговаривали со мной так, будто я что-то скрываю от них. Спрашивали, не оставил ли им Феррис записку. Он оставил какую-нибудь записку?

– Нет, не видел.

– Так вот, они обязательно хотят поговорить с вами.

– Почему со мной? – с притворным удивлением спросил я.

– Я им объяснил, что покойника обнаружил ночной портье, который будет сегодня на дежурстве после одиннадцати вечера. А они заявили, что не могут так долго ждать, и потребовали ваш адрес. И вы знаете, Граймс, никто в нашем чертовом отеле не знает, где вы живете. Естественно, что эти два типа не поверили мне. Они снова придут в три часа. И предупредили, что для меня же лучше найти и вызвать вас, а не то... Просто жутко. Не думайте, что это длинноволосые мелкие хулиганы. Они одеты как солидные биржевые маклеры. Абсолютно спокойны и глазом не моргнут, как шпионы в кино. Они не шутят. Вовсе не шутят. Так приезжайте, потому что я ухожу обедать, и надолго, очень надолго...

– По этому поводу я и хочу переговорить с вами, мистер Друзек, – невозмутимо сказал я, в первый раз со времени поступления на работу радуясь возможности поговорить с хозяином. – Я звоню, чтобы попрощаться с вами.

– Прощаться? – рявкнул Друзек. – Кто так прощается?

– Я так прощаюсь, мистер Друзек. Прошлой ночью я окончательно решил, что мне противно служить у вас. Я увольняюсь... Собственно, уже уволился.

– Как уволился? Так не увольняются. Черт побери, да сегодня только вторник, начало недели. Здесь остались ваши вещи. Полбутылки виски. Библия...

– Виски выпейте, а Библию я дарю библиотеке отеля.

– Граймс! – закричал Друзек. – Вы не смеете так поступать со мной! Я обращусь в полицию, чтоб вас привели сюда! Я... я...

Я преспокойно положил трубку. И пошел завтракать.

Завтракал я в дорогом ресторане возле Линкольн-центра, заказал роскошного омара-гриль, который обошелся в восемь долларов, и две бутылки пива «Хайнекен».

Сидя в ресторане за вкусной дорогой едой, я вдруг осознал, что впервые с того момента, когда проститутка в отеле сбежала с шестого этажа, у меня нашлось время подумать о том, что мне делать. До сих пор мое поведение и поступки были почти автоматическими: одно следовало за другим само собой, словно я действовал по заранее разработанной программе. Теперь надо было подумать о своих возможностях, рассмотреть угрожавшие опасности и принять какие-то решения. Раздумывая обо всем этом, я обратил внимание на то, что подсознательно выбрал себе столик в углу ресторана, чтобы видеть всех входящих. Это открытие меня позабавило. И в самом деле, попав в переплет, каждый становится героем своей собственной детективной истории.

Но забавно это было или нет, а пришло время оценить свое положение и возможности. Нельзя больше полагаться на интуитивные побуждения или на опыт прошлого, который мало чем мог помочь мне в совершенно ином будущем.

До этого я никогда не нарушал никаких законов, у меня не было никаких врагов. И тут, естественно, я подумал о тех двух субъектах, которые явились в отель «Святой Августин» получить сто тысяч долларов от того, кто зарегистрировался под вымышленным именем Джон Феррис и указал вымышленный адрес. Они были с оружием или, во всяком случае, походили на людей, имеющих обыкновение носить его при себе. Мой хозяин мог немного нервничать в это утро, но его не назовешь простаком – у него большой опыт, и он верно почувствовал, что это действительно опасные люди. Он, конечно, не знал и, наверное, никогда не узнает, в чем тут дело.

Одно было несомненно – полиция не будет привлечена к этому делу, хотя какой-нибудь полицейский крючок может по своей инициативе начать копать в нем. Итак, с этой стороны мне нечего особенно беспокоиться. Было ясно, что тот, кто назвался Джоном Феррисом, и те двое, что приходили после его смерти, участвовали в какой-то незаконной сделке. Тут определенно пахло взяткой, подкупом или шантажом.

Это как раз совпало с Уотергейтским делом, только начавшим тогда всплывать на поверхность, когда мы узнали, что у весьма уважаемых деятелей, столпов нашего общества, появилась привычка тайно носить в ручных плоских чемоданчиках огромные суммы денег или держать их в ящиках письменных столов у себя в кабинетах. Те типы, что сейчас интересовались мною, без сомнения, принадлежали к тому зловещему миру профессиональных убийц, которые готовы на все ради денег.

Шайка бандитов, подумал я, гангстеры. Хотя мне, как и большинству американцев, приходилось читать о них, видеть их в кинофильмах, но все же представления о том, что творится на дне нашего общества, у меня были туманные, и, быть может, я с преувеличенным страхом относился к могуществу гангстеров, их тайным связям и способам найти и уничтожить тех, кому они хотели отомстить.

И еще одно было ясно. Я теперь оказался по ту же сторону забора, что и они, и с кем бы там ни встретился, должен играть по их правилам. В прошедшую ночь я поставил себя вне закона, и мне, следовательно, надо самому заботиться о своей безопасности.

Основное правило было простым. Я не должен сидеть сложа руки на месте. Надо уехать, исчезнуть. Нью-Йорк – огромный город, и в нем, без сомнения,

годами успешно скрываются тысячи людей, но те, кто меня ищет, знают мое имя, возраст, описание внешности и смогут без особого труда узнать, где я учился, работал и есть ли у меня родственники. К счастью, я не женат, детей у меня нет, родители умерли, а братья и сестра понятия не имеют о том, где я нахожусь. Но ведь в Нью-Йорке можно натолкнуться на того, кто тебя знает и наведет на твой след.

И как раз в это утро я совершил первую ошибку, связавшись с этим посыльным в отеле, который, конечно, запомнит меня. А уж он-то готов за десятку продать и отца родного. Далее букмекер, с которым он меня свел. Это уже вторая ошибка. Легко представить себе, какого рода и с кем у него связи.

Я еще не знал, что делать с деньгами, лежавшими в тиши банковского подвала, но, разумеется, желал прежде всего насладиться радостями жизни. Но не в Нью-Йорке. Меня всегда тянуло путешествовать, а сейчас это было и необходимостью, и удовольствием.

По-царски развалившись в кресле, я закурил сигару и стал перебирать города в Европе, где хотел бы побывать. Лондон, Париж, Рим...

Однако, чтобы пересечь океан, надо сперва закончить здесь все свои дела. И в первую очередь получить заграничный паспорт. Я знал, что смогу получить его в нью-йоркском агентстве Госдепартамента, но те, кто ищет меня, могут вполне резонно заключить, что это первое место, куда я обращусь, и будут поджидать меня там. Это, правда, лишь предположение, но не следует рисковать.

Завтра, решил я, поеду в Вашингтон. И лучше автобусом.

Я взглянул на часы. Почти три часа. Вскоре парочка, что с утра приставала к Друзеку, заявится в «Святой Августин», чтобы взыскать свой должок. И не с пустыми руками, как пить дать... Я стряхнул пепел с кончика сигары и с удовольствием затянулся. Черт возьми, подумал я, а ведь сегодня мой лучший день за последние годы!

Выйдя из ресторана, я отыскал поблизости небольшое фотоателье, где снялся для паспорта. За карточками назначили прийти в половине шестого. Чтобы убить время, зашел в кино посмотреть французский фильм. Мне ведь теперь

полезно прислушиваться к чужому языку. Отсидел сеанс, восхищаясь главным образом видами Сены и мостов через нее.

Получив фотокарточки, я вернулся в отель и вспомнил, что пора увидеться с букмекером. Спустившись в бар, узрел его. Он сидел один за столиком в углу и пил молоко.

– Как мои дела? – поинтересовался я.

– Вы что, издеваетесь? – проворчал букмекер.

– Нет, я и вправду не знаю.

– Вы выиграли, – процедил он.

Найденный серебряный доллар оказался верным талисманом. Продолжай в том же духе, пожелал я. И мой долг другому букмекеру, в «Святом Августине», частично погашен. Все было в мою пользу в этот день.

У букмекера было постное лицо, и он глядел на меня печально.

– Ваша лошадь пришла на полтора корпуса впереди. В следующий раз уж поделитесь со мной своей информацией. И почему вы позволили этому подонку Морису тоже поживиться на мне? Это уже не только убыток, но и обида.

– Люблю помочь честному служащему.

– Это он-то честный служащий, – хмыкнул букмекер. – Послушайте совета, приятель, не оставляйте у него на виду бумажник. Этот честный служащий не побрезгует ничем, даже вашей вставной челюстью... – Вынув и перебрав несколько конвертов, букмекер вручил мне один из них. – Вот ваши три тысячи шестьсот. Пересчитайте.

– Не стоит. Вы производите впечатление честного человека.

– Хм, да-а, – промычал букмекер, допивая молоко.

– Угостить вас виски?

– Мне можно только молоко, – рыгнув, ответил он.

– Человеку с больным желудком не следует быть букмекером.

– Что верно, то верно. Хотите сыграть на хоккее сегодня?

– Нет желания. Пока, дружище.

В отеле мне навстречу попался Морис.

– Вы, как я слышал, сорвали большую ставку.

– Не такую уж большую, – весело заметил я. – Но денек для меня явно неплохой. А вы поставили мою пятерку?

– Нет, – ответил посыльный. Он, видимо, принадлежал к тем, кто лжет без нужды, из удовольствия. – Был очень занят.

– Жаль, – посочувствовал я. – Ладно, может, в другой раз повезет.

Пужинал я в отеле. Бифштекс оказался вполне приличным. Потом выкурил еще сигару за кофе с бренди, поднялся в номер, разделся и лег в постель. Я проспал двенадцать часов и проснулся лишь тогда, когда лучи яркого утреннего солнца заливали всю комнату. С детских лет я не спал так крепко и безмятежно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Утром я быстро уложил вещи и с чемоданами в руках спустился в лифте, стараясь избежать встречи с посыльным. Расплатившись в конторе, я вышел на крыльцо и внимательно огляделся по сторонам, не следит ли кто-нибудь за мной. Не заметив ничего подозрительного, сел в такси и поехал на конечную автобусную станцию, где купил билет в Вашингтон. Никому, конечно, и в голову

не придет искать здесь человека, который украл сто тысяч долларов.

В Вашингтоне я было сунулся в лучший отель города «Мейфлауер», но портье сразу отрезал, что мест нет. По его повадкам было видно, что у них останавливаются лишь особо влиятельные лица и чуть ли не по указанию из Белого дома. Я тут же решил, что надо непременно купить себе новое шикарное пальто. Все же портье был достаточно вежлив, чтобы указать отель поблизости, где обычно бывают свободные номера. Примерно таким же тоном он мог порекомендовать мне своего приятеля, который обычно носит грязные рубашки.

Тем не менее портье оказался прав. В новом, свежеевыкрашенном здании указанной им гостиницы, походившем на типичный американский мотель, были свободные номера. Я зарегистрировался под собственным именем. Мне казалось, что уж по крайней мере в Вашингтоне-то я могу чувствовать себя в безопасности.

Припомнив рассказы о том, как грабят на улицах столицы, я предусмотрительно сдал на хранение в отеле свой бумажник с деньгами, оставив себе сотню долларов на повседневные расходы. Так или иначе, надо было избегать помощи правосудия по любому поводу. Опасность для меня таилась уже на пороге. Тем более что в субботу ночью в Вашингтоне один закон – пистолет.

Последний раз я был в Вашингтоне в 1969 году, когда доставил на самолете группу республиканцев из Вермонта на церемонию вступления в должность президента Ричарда Никсона. В самолете было много пьяных, и большую часть пути я провел в спорах с пьяным сенатором от штата Вермонт, который во время Второй мировой летал на бомбардировщике В-17, а теперь то и дело приставал ко мне, чтобы я передал ему управление. Я не пошел ни на церемонию, ни на торжественный бал, куда наши республиканцы добыли мне пригласительный билет. В то время я считал себя демократом. Не знаю, кем бы я сейчас посчитал себя.

Помню, что тот день я провел на Арлингтонском кладбище. Оно казалось самым подходящим местом, где следовало отметить вступление Ричарда Никсона на пост президента США.

Мой дядя, отравленный газами в Первую мировую войну при сражении в Аргонском лесу, покоился на этом кладбище. Меня тут, конечно, не похоронят. Я

не ветеран войны. Был слишком молод для войны в Корее и не имел никакого желания отправиться на войну во Вьетнаме (служба в гражданской авиации освобождала от призыва, а пойти добровольцем уж никак не прельщало). Бродя среди могил, я не сожалел о том, что меня не положат рядом с героями. Я никогда не был драчлив, и, хотя был патриотом, охотно почитавшим наш флаг, тем не менее войны вовсе не привлекали меня. Мой патриотизм не доходил до кровожадности. Однако вернемся к моему теперешнему приезду в Вашингтон.

На следующее утро я вышел из отеля. У стоянок такси выстроились длинные очереди. Я пошел пешком, надеясь, что удастся по пути подхватить машину. Денек выдался погожий, сравнительно теплый, особенно приятный после кусачего нью-йоркского холода. От улицы, по которой я шел, так и веяло достоинством и процветанием. Прохожие, как на подбор, были хорошо одеты и благонаравны. Я прошагал полквартала рядом с дородным и чинным джентльменом, облаченным в полушубок с норковым воротником. Шагал он величаво, словно конгрессмен. А может, он и впрямь был конгрессменом, кто их тут знает. Я хмыкнул, представив, как он отреагирует, если я подойду к нему, схвачу за петлицу и начну рассказывать, чем занимался сегодня с раннего утра.

Вместо этого я окликнул такси, которое остановилось у перехода на красный свет. Лишь подойдя к машине, я заметил на заднем сиденье пассажирку. Однако таксист, седой негр, опустил стекло и спросил:

– Вам куда, мистер?

– В Госдепартамент.

– Садитесь. Вам по пути с леди.

– Не возражаете, мадам? – открыв дверцу, спросил я.

– Безусловно, возражаю, – резко ответила молодая, довольно хорошенькая блондинка, которую портило в эту минуту то, что она зло поджимала губы.

Извинившись, я уже собрался отойти от машины, когда таксист распахнул переднюю дверь и окликнул меня.

– Садитесь ко мне, – пригласил он.

Вот назло тебе, сука, подумал я и, не взглянув на нее, сел рядом с шофером. Сзади донеслось злобное бормотание, но ни я, ни шофер не обратили на это внимания. Ехали мы в полном молчании.

Когда машина остановилась у какого-то правительственного здания с колоннами, пассажирка наклонилась вперед, взглянула на счетчик и сказала:

– Доллар сорок пять.

– Да, мадам, – кивнул таксист.

Порывшись в сумочке, она оставила деньги на заднем сиденье.

– Не надейтесь, что я вам прибавлю, – бросила она, вышла из машины и, сердито поводя плечами, скрылась за массивной парадной дверью.

Ножки-то у нее хороши, заметил я, провожая ее взглядом.

Таксист перегнулся и сгрэб деньги с заднего сиденья.

– Чинушка, – фыркнул он.

– Точнее, стерва, – сказал я.

Таксист громко рассмеялся.

– В этом городе быстро приучишься получать скорее шишки, чем пышки, – сказал он. И пока мы ехали, таксист все покачивал головой и посмеивался.

Когда мы приехали, я дал ему доллар на чай.

– Нет худа без добра, и та блондинка помогла, – улыбнулся он, благодаря меня.

Я вошел в здание Госдепартамента и разыскал справочное бюро.

– Мне бы хотелось увидеть мистера Джереми Хейла, – обратился я к девице в справочном.

– Вы знаете, в какой он комнате?

– Боюсь, что нет.

Девушка досадливо вздохнула. Как видно, в Вашингтоне было полно вот таких девиц, тяжелых на подъем. Пока она листала толстенный алфавитный справочник, я с улыбкой вспомнил, как однажды, много лет назад, сказал Хейлу: «Твоя фамилия, Джерри, вознесет тебя в Госдеп».

– Мистер Хейл назначил вам? – затем строго спросила девушка.

– Нет.

Я много лет не видел Хейла и не переписывался с ним. Он, конечно, не ожидает меня. В школе мы учились в одном классе и дружили. Когда я работал в Вермонте, мы зимой вместе ходили на лыжах, потом он уехал за границу.

– Вашу фамилию, будьте добры.

Я назвал себя, девушка позвонила по телефону и затем выписала пропуск.

– Мистер Хейл ждет вас, – напутствовала она меня, вручая пропуск, на котором был указан номер комнаты.

– Благодарю вас, мисс, – сказал я и только тут заметил, что у нее на пальце обручальное кольцо.

В лифте, который был почти полон, царил чинное молчание, никто не проронил ни слова. Государственные тайны бдительно охранялись.

В длинном ряду совершенно одинаковых дверей, тянувшихся вдоль бесконечного, уходившего куда-то вдаль коридора, я обнаружил на одной двери табличку с именем моего школьного друга. Что все эти люди тут делают для

Соединенных Штатов двести дней в году по восемь часов в день, спросил я себя, постучав в дверь.

- Войдите, - отозвался женский голос.

Толкнув дверь, я вошел в небольшую комнату, где за пишущей машинкой сидела самая что ни на есть красotka. Неплохо, однако, устроился старина Хейл.

Красotka лучезарно улыбнулась мне (интересно, а как бы она повела себя в такси сегодня утром?).

- Мистер Граймс? - спросила она, поднимаясь и становясь еще прекрасней. Высокая, стройная, смуглая, в плотно облегающем голубом свитере.

- Да, это я.

- Мистер Хейл рад вас видеть. Пройдите, пожалуйста, - пригласила она, открыв дверь в соседний кабинет.

Хейл сидел за письменным столом, заваленным бумагами, просматривая пачку лежавших перед ним документов. Он располнел с тех пор, как я последний раз видел его, а на приветливо-учтивом лице стала проглядывать солидность сановника. На столе в серебряной рамке стояла семейная фотография. Жена и двое детей, мальчик и девочка. Пример умеренности в назидание отсталым народам. Увидев меня, он, широко улыбаясь, сразу же поднялся из-за стола.

- Дуг, ты и представить себе не можешь, как я рад тебя видеть.

Мы крепко пожали друг другу руки. Меня тронуло, как Хейл встретил меня. Последние три года никто не встречал меня с такой радостью.

- Где ты пропадал? - спрашивал он, усаживая меня на кожаный диван, стоявший поодаль у стены просторного кабинета. - Я уж было решил, что ты исчез с лица земли. Три раза писал тебе, и каждый раз письма возвращались обратно. Написал твоей подружке Пэт, но она ответила, что не знает, где ты и что с тобой. - Он сердито нахмурился, и это ему не шло. - Выглядишь ты очень неплохо, но так, словно несколько лет не был на свежем воздухе.

– Все выложу, Джерри, но не сразу. Летать я бросил. Надоело. Много мотался, побывал кое-где.

– Прошлой зимой мне очень хотелось походить с тобой на лыжах. Недельки две выдалось свободных. Снег, говорят, был хороший.

– Признаться, я все это время редко ходил на лыжах.

– Ну ладно. – Джереми порывисто коснулся моего плеча. – Не стану больше расспрашивать. – Еще в школьные годы он был чуток и эмоционален. – Во всяком случае, позволь задать тебе один вопрос. Откуда ты приехал и что собираешься делать в Вашингтоне? – И он тут же засмеялся. – Однако получилось два вопроса.

– Приехал из Нью-Йорка, чтобы просить тебя о небольшом одолжении.

– К твоим услугам, дорогой.

– Мне нужен заграничный паспорт.

– Ты никогда не получал его?

– Нет.

– И никогда не был за границей? – удивился он. Люди его круга большую часть времени проводили в чужих краях.

– Ездил как-то в Канаду, но туда паспорт не нужен.

– Ты приехал из Нью-Йорка, – с озадаченным видом произнес Хейл, – так почему же не получил паспорт там? Не пойми это как упрек, что ты обратился ко мне, – поспешно добавил он. – Достаточно было бы зайти в наше нью-йоркское агентство...

– Да, конечно. Но мне хотелось поскорей. Я тороплюсь и потому рискнул обратиться к тебе.

– В Нью-Йорке они действительно завалены заявлениями. А куда ты собираешься ехать?

– Сначала в Европу. У меня завелись кое-какие деньжонки, и я решил, что настало время вкусить немножко от европейской культуры. Почтовые открытки с видами Парижа и Афин, которые ты посылал мне, вызвали у меня желание самому побывать там.

С некоторым удивлением я обнаружил, что выдумывать, оказывается, не так уж и трудно.

– Я могу за один день сделать тебе паспорт, – сказал Хейл, – только дай мне твое свидетельство о рождении... – Он запнулся: видимо, я переменялся в лице. – У тебя что, нет его с собой?

– Я не знал, что оно понадобится.

– Обязательно нужно. Где ты родился? В Скрантоне, кажется?

– Да.

Хейл досадливо поморщился:

– В Пенсильвании свидетельства о рождении выдаются в столице штата Гаррисберге. Если напишешь туда, то в лучшем случае, если тебе посчастливится, недели через две получишь ответ.

– Что за ерунда! – воскликнул я. Уж конечно, ждать столько времени я ни в коем случае не мог.

– А где же твое свидетельство? Может, хранится у кого из родственников? Валяется где-нибудь в сундуке.

– Мой старший брат Генри еще живет в Скрантоне, – сказал я, вспомнив, что после смерти матери весь семейный хлам, включая старые судебные бумаги, мой школьный аттестат, диплом колледжа, альбомы с фотографиями и прочие семейные реликвии были сложены на чердаке у брата. – Возможно, оно у Генри.

- Тогда позвони ему, чтобы он поискал у себя и срочно выслал сюда.

- Еще лучше, если сам съезжу к нему, - сказал я. - Уже несколько лет я не виделся с братом и рад, что представился случай.

Не мог же я, в самом деле, признаться Хейлу, что предпочитаю, чтобы брат вообще не знал, где я нахожусь.

- Сегодня четверг. Конец недели. Предположим, ты съездишь и найдешь свидетельство, но все равно раньше понедельника уже ничего сделать не удастся.

- Что ж, Европа долго ждала меня, подождет еще пару дней.

- Нужны также фотографии.

- Они есть. - Я протянул ему конверт с фотокарточками.

Хейл вытащил одну и внимательно поглядел на нее.

- У тебя совсем юношеское лицо, - сказал он, покачав головой. - Ты хорошо сохранился.

- Беззаботная жизнь.

- Рад узнать, что такая жизнь еще возможна. А я вот смотрю на свои фото и вижу, что выгляжу таким старым, словно гожусь себе в отцы. - Он вернул мне конверт с карточками, добавив: - На всякий случай я подготовлю в понедельник все нужные бумаги.

- Я обязательно вернусь.

- А почему бы тебе не вернуться к уик-энду? В Вашингтоне это самые лучшие дни. В субботу вечером мы обычно играем в покер. Ты еще играешь?

- Изредка.

– Отлично. Один из наших постоянных партнеров в отъезде, и ты можешь заменить его. Увидишь двух вечных пижонов, которые проигрывают с трогательным великодушием, – улыбнулся Хейл, который в свое время в колледже был заядлым и очень неплохим игроком в покер. – Вспомним старые времена. Я все устрою.

Зазвонил телефон, и Хейл снял трубку.

– Сейчас иду, сэр, – сказал он, поспешно положив ее. – Извини, Дуг, мне надо идти. Очередной утренний аврал.

– Спасибо тебе за все, – сказал я, поднимаясь.

– Пустяки. Для чего же тогда дружба? Послушай, сегодня вечером у меня соберутся. Ты занят?

– Вроде нет.

– Так приходи к семи часам. Мне нужно бежать, мой адрес даст тебе секретарша мисс Шварц.

Он был уже в дверях, торопился, но старался не терять сановной солидности.

Мисс Шварц написала на карточке адрес и, лучезарно улыбаясь, вручила его мне так, словно пожаловала дворянство. Почерк у нее был бесподобный, как и она сама.

Нежная рука ласково провела по моему бедру, и я очнулся, лениво просыпаясь. Мы уже дважды насладились любовью, но вожделение вновь овладело мной. Женщина, лежавшая подле меня в постели, пожинала плоды моего столь затянувшегося воздержания.

– Вот это другое дело, – прошептала она. – Какой красивый! Только не двигайся. Полежи спокойно. Я сама.

Я отдался на волю течения. Боже, какая утонченная пытка! Ласковые руки, мягкие губы, сладострастный язычок причиняли мне невыразимо радостные муки. Господи, какая женщина...

Она весьма серьезно, даже торжественно, будто выполняя священный обряд, упивалась любовью. Когда около полуночи мы вошли к ней в спальню, она уложила меня в постель и неторопливо раздела. Насколько я помнил, последний раз меня раздевала моя мать, когда мне было пять лет и я заболел корью.

Вот уж никак не ожидал, что вечер у Хейла закончится таким образом. Гости, собравшиеся в его изысканном, построенном в колониальном стиле особняке в Джорджтауне, были учтивы и сдержанны. Я приехал раньше всех, и меня отвели наверх восхищаться детьми Хейла. До приезда гостей я не очень бойко болтал с его женой Вивиан, хорошенькой белокурой женщиной с утомленным лицом, которую видел впервые. Оказалось, что Хейл рассказывал ей обо мне и был огорчен, когда я исчез неизвестно куда.

– Если бы я не встретила Джерри, – неожиданно призналась она, – у меня бы в жизни ничего не было. Ничего, – повторила она с таким искренним чувством, что вся, казалось, просветлела.

Гости, собравшиеся у Хейла, произвели на меня какое-то неясное, расплывчатое впечатление, хотя я вовсе не был пьян. Я вообще много не пью.

Сенатор такой-то, тот – конгрессмен, этот – конгрессмен, его превосходительство посол этакой страны, мистер Бланк из «Вашингтон пост», та – мисс, которая весьма влиятельна в министерстве юстиции, – их имена и звания так и обрушивались на меня. Они толковали о разных людях, о хорошо известных, могущественных, о неумных, крикливых, красноречивых, вносящих законопроекты, от которых дыбом встают волосы.

Я не очень-то разбирался в социальных рангах нашей столицы, но мог заключить, что тут собирались люди влиятельные, облеченные властью. По вашингтонским меркам каждый из них был более значительным лицом, чем сам хозяин, который, поднимаясь вверх, был еще среднего ранга чиновником в дипломатическом ведомстве и, конечно, не мог бы позволить себе устраивать такие приемы на одно лишь свое жалованье. Однако жена его Вивиан была дочерью сенатора, владельца обширных земель в Северной Каролине. Да, мой

друг выгодно женился. Интересно, а кем бы я сам стал, если бы женился на богатой? Но мне, к счастью или к несчастью, никогда не представлялось такой возможности.

Я просто находился среди гостей, временами досадливо морщась, когда алкоголь начинал влиять на крутые извивы беседы за столом, учтиво держал рюмку в руке, принужденно улыбался и все удивлялся тому, как Хейл может выносить все это.

Женщина, чьи руки и губы сейчас ласкали меня, была как раз той влиятельной особой из министерства юстиции, с которой я вчера познакомился у Хейла. На вид ей было лет тридцать пять, но выглядела она как конфетка: роскошное тело, матовая кожа, большие темные глаза и шелковистые светлые волосы, волнами ниспадавшие на плечи. Мы оказались вместе в углу комнаты, и она сказала:

– Я наблюдала за вами. Бедняга, вы словно отшельник. Вы не здешний?

– Это портит вечер? – усмехнулся я.

– Есть такой грех. Но не расстраивайтесь. Что касается меня, то я ловлю возможность поговорить с кем-нибудь, кто не имеет никакого отношения к правительству. – Она взглянула на часы. – Я здесь уже сорок пять минут. Вполне отбыла положенное, и никто не посмеет сказать, что я не умею вести себя в благовоспитанном обществе. Но пора и подзаправиться. Вы свободны, Граймс?

– Да, – ответил я, удивленный тем, что она знает мое имя.

– Уйдем вместе или поодиночке?

Я рассмеялся:

– Как вам будет угодно, миссис...

– Коутс. Эвелин Коутс, – улыбнулась она. Я отметил, что она очаровательно улыбается. – Уйдем вместе. Кстати, я разведена. Вы не боитесь?

– Нет, мэ.

– Вот и умничка. – Она легонько тронула меня за руку. – Жду вас в холле. Будьте пайнкой, попрощайтесь с хозяевами.

Я следил, как она прошла сквозь толпу гостей, надменная и неприступная. Мне сроду не приходилось встречать таких женщин. И уж, во всяком случае, я и вообразить не мог, что в эту же ночь окажусь в ее постели. Еще ни разу в жизни я не ложился в постель с женщиной после первой же встречи. Сохранив юношески наивный облик, застенчивый, заикающийся, я всегда был неуверен и неловок с женщинами, принимая как должное, что другим суждено обладать красавицами. Я до сих пор, кстати, не уразумел, почему Пэт, такая яркая красотка, привязалась ко мне. Что она могла во мне найти? Впрочем, я никогда не стремился к мужским победам, а остатки моего религиозного воспитания удерживали меня от беспорядочных связей, даже если представлялась возможность.

Эвелин привезла меня во французский ресторан, который, судя по всему, был очень дорогим.

– Надеюсь, что вы невообразимо богаты, – сказала она. – Цены тут ужасные. Ну как, невообразимо?

– Да, невообразимо.

Она покосилась на меня через стол:

– По вашему виду не скажешь.

– Старинные деньги. Наследство, – пояснил я. – В нашей семье не любят шика.

– Вы из старозаветной семьи?

– Как-нибудь расскажу, – уклончиво ответил я.

Эвелин начала рассказывать о себе, хотя я ни о чем ее не расспрашивал. Объяснила, что она юрист, в Вашингтоне живет уже одиннадцать лет, работает в том отделе министерства юстиции, который величают «антитрестовским». Ее муж, морской офицер, оказался сущим скотом, и она развелась с ним. Детей нет, и заводить их она не собирается. Шеф, человек, в общем, милый, вот уже пять лет приударяет за ней, но она поставила целью своей жизни – быть избранной в конгресс. Все это рассказывалось неторопливо, низким мелодичным голосом, причем, стараясь занять меня, иногда она отвлекалась, указывая на некоторых из сидевших в ресторане, коротко и зло обрисовывала их.

Вон тот – сенатор, но даже в лифте ни одна девушка не может уберечься от его приставаний. А этот – второй секретарь посольства, торгует наркотиками, переправляя их с дипломатической почтой. Поглядите на того – это известный лоббист, у него в кармане целые гроздья конгрессменов из обеих палат. А вон тот, что сидит в углу, – из ЦРУ, он организовал целый ряд политических убийств в южноамериканских странах.

Я попросил ее заказывать все, что ей захочется, в том числе и вино, хотя лично я предпочитаю пиво.

– Позвольте мне, простому провинциалу, целиком положиться на ваш вкус, – галантно произнес я.

Я был в приподнятом настроении, меня радовало, что я сидел рядом с красивой женщиной и мог свободно, не заикаясь, беседовать с ней. Новая, совершенно неизведанная жизнь, казалось, открывалась передо мной.

– Значит, такие мальчики, как вы, выходят из старозаветных, сказочно богатых семей?

– В основном – да, – пробормотал я.

Она странно поглядела на меня:

– Вы подставной?

– Как вы сказали?

– Подставной. Из ЦРУ?

– Даже не слышал о таких, – покачал я головой, улыбаясь.

– Ваш друг Хейл сказал, что вы были летчиком.

– Был когда-то.

Я удивился, когда она успела в суматохе приема расспросить Хейла обо мне. Такое настырное женское любопытство встревожило меня, и я почти решил, что после ужина посажу ее в такси и отправлю домой. Но затем я подумал, что не следует быть таким болезненно подозрительным и портить себе вечер.

– Не распить ли нам еще бутылочку? – предложил я.

– Разумеется, – кивнула она.

Ушли мы из ресторана в числе последних. Я не привык к вину и чувствовал приятное опьянение. Мы уселись в такси и поехали, не прикасаясь друг к другу. Когда такси остановилось перед ее домом, я попросил шофера подождать, пока я провожу свою спутницу.

– Нет, не надо, – перебила Эвелин. – Джентльмен зайдет ко мне пропустить еще стаканчик.

– О, это как раз то, что мне нужно, – немного заплетающимся языком пробормотал я.

Я не разобрал, какая у нее квартира, потому что она не включила свет. Как только мы вошли, она обняла меня и поцеловала. Поцелуй был восхитительным.

– Вы беззащитны, и я соблазню вас, – засмеялась она.

Посмеиваясь, она повела меня за руку через темную гостиную в спальню. Тонкой полоски света из приоткрытой двери в ванную было достаточно, чтобы разглядеть большой письменный стол с грудой бумаг, туалетный столик и длинные, во всю стену, книжные полки. Она подвела меня к кровати, повернула

кругом и подтолкнула, так что я упал на спину.

– Остальное – уж моя забота, – сказала она. Если Эвелин в министерстве была так же деятельна, как в постели, то правительство не зря держит ее на службе.

– Сейчас, – пробормотала она, усевшись на меня сверху с раздвинутыми ногами и вставив мою трепещущую от вожделения плоть в свое лоно.

Она стала раскачиваться взад-вперед, сперва медленно, потом все быстрее, запрокинув назад голову и опираясь сзади на вытянутые руки. В рассеянном лунном свете, отражавшемся от зеркала, ее пышные груди белели перед моими глазами бледными полутонами. Я обхватил руками, гладил и ласкал эти прекрасные груди, и она застонала. Потом всхлипнула, опять застонала, еще и еще, наконец громко, не в силах больше сдерживаться, закричала и блаженно обмякла.

Мгновение спустя я, словно со стороны, услышал собственный сдавленный стон невыразимого наслаждения. Эвелин обессиленно скатилась с меня, растянулась на животе и затихла. Я вытянул руку и осторожно, почти бережно прикоснулся к влажному округлому плечу.

– Тебе не было больно?

– Дурачок, – фыркнула она. – Нет, конечно.

– Я боялся, вдруг...

– Неужто твои дамы молчат, когда ты их трахаешь?

– По-моему, да, – неуверенно промолвил я. И подумал, что такие выражения они уж точно не употребляют. Должно быть, в министерстве юстиции принято называть все своими именами.

Она засмеялась, перевернулась на спину, потянулась к столику у кровати за сигаретами и закурила. Огонек спички осветил ее безмятежное лицо.

– Хочешь сигарету? – спросила она.

- Не курю.

- Долго проживешь. А сколько тебе сейчас?

- Тридцать три.

- Самый расцвет, - сказала она. - Чудесный возраст. Не вздумай уснуть. Давай поговорим. Выпить хочешь?

- А который час?

- Самое время промочить горло. - Она выбралась из постели и набросила халат. - Виски устроит?

- Вполне.

Она прошла в гостиную, шелестя халатом. Я взглянул на свои ручные часы. Раздевая меня, она сняла их и аккуратно положила на столик у кровати. Видно, очень аккуратная женщина. Светящийся циферблат показывал четвертый час ночи. Все в свое время, подумал я, сладко потянувшись в постели и вспомнив этот же час прошлой ночи: жужжание счетной машинки, пуленепробиваемое стекло конторки и сбежавшую по лестнице проститутку, просившую открыть ей парадную дверь.

Эвелин вернулась с двумя стаканчиками виски и села на краю постели. В полоске света, падавшей из ванной, резко очерчивался ее самоуверенный профиль. Помимо аккуратности, ей, как видно, было присуще и стремление к полноте ощущений.

- Очень хорошо, - выпив, сказала она. - И ты был хорош.

- Всегда оцениваешь своих любовников? - засмеялся я.

- Ты вовсе не мой любовник, Граймс. Я бы назвала тебя привлекательным молодым человеком с хорошими манерами. Вчера ты мне определенно понравился, и у тебя хватило мужества на короткое время заехать ко мне.

Подчеркиваю, на короткое время.

- Понятно, - кивнул я.

- И тебе, наверное, неинтересно, да и я не собираюсь докучать тебе более подробными объяснениями.

- Ты ничего не должна объяснять мне. Вполне достаточно и того, что ночь была восхитительна.

- У тебя это не так часто случается?

- Откровенно говоря, нет, - рассмеялся я.

- Как на неоновой рекламе - ты, можно сказать, совсем не тот, на кого похож.

- На кого же я похож?

- Да на тех молодых людей, что играют злодеев в итальянских фильмах. Дерзких, порочных и бессовестных.

Ничего подобного во мне прежде не замечали. Наоборот, скорее указывали, что с виду я скромник. Или за эти дни я очень изменился, или же Эвелин Коутс смогла разглядеть мою скрытую сущность.

- Вскоре я вернусь в Вашингтон, - сказал я. - Позвонить тебе?

- Если у тебя не будет ничего лучшего.

- А ты захочешь увидеться со мной?

- Если у меня не будет ничего лучшего.

- Неужели ты такая жесткая, какой хочешь казаться?

- Жестче, Граймс, много жестче. Для чего же ты вернешься в Вашингтон?

- Возможно, ради тебя.

- Повтори еще раз, пожалуйста.

Я повторил.

- Ты хорошо воспитан. А может, ради чего-нибудь еще?

- Ну, допустим, - протянул я, обдумывая, как получше использовать удобный случай, чтобы получить нужную информацию, - я разыскиваю кое-кого.

- Кого же именно?

- Одного моего друга, пропавшего из виду.

- Здесь, в Вашингтоне?

- Не обязательно. В стране или даже за границей.

- Ты что-то чересчур таинственен, не находишь?

- Как-нибудь при случае все расскажу тебе, - заверил я, убежденный, что это никогда не произойдет, но довольный, что по счастливому стечению обстоятельств оказался в постели с женщиной, чья служба, в частности, связана с розыском скрывающихся людей. - Это частное, весьма деликатное дело. Как же мне все-таки заняться поисками друга?

- Есть много мест, куда ты можешь обратиться. Скажем, в налоговое управление, где найдется его адрес на последней декларации о доходах, которую он заполнял. Или в управление социального обеспечения, где имеются записи мест его работы. Данные о нем могут быть в управлении воинской повинности, но они, наверное, уже устарели. Наконец, загляни в ФБР. Правда, никогда не знаешь, что именно добудешь в этом заведении. И еще остается Госдеп. Все зависит от того, есть ли у тебя связи с нужными людьми.

– Найдутся, – сказал я, полагая, что нужные связи у тебя в кармане, когда там сто тысяч долларов.

– Возможно, тебе еще легче найти своего друга, если ты сам детектив или что-нибудь вроде этого.

– Что-то вроде, – уклончиво пробормотал я.

– В конечном счете все дороги ведут к нам, в Вашингтон. Здесь театральный форум нашей жизни. На представлениях все, за исключением избранных, стоят. Самые лучшие места заполнены актерами.

– И ты тоже актриса?

– Я на бесприкрытой роли. Получаю восторженные отзывы из лучших постелей города. Тебя это шокирует?

– Немного.

– И откуда только берутся такие невинные простачки? – Она потрепала меня по щеке. – И все же должна сделать тебе комплимент. Твое исполнение было почти самое лучшее. Даже не хуже, чем у некоего сенатора из западного штата, чье имя я не стану называть. До тебя он считался лучшим, но беднягу прокатили на последних выборах, что очень на него подействовало, и он скис.

– А я и не подозревал, что участвую в представлении.

– Ты же приехал в Вашингтон, а тут каждому надо выкладываться и делать вид, что доволен своей ролью.

– И тебе также?

– Не дурачься, милый. И мне, конечно. Неужели ты думаешь, что если я хоть еще сто лет проторчу в своем министерстве, то это будет иметь какое-либо значение для тебя, для «Дженерал моторс», для Объединенных Наций или для чьей-нибудь любимой собачки? Я лишь участвую в общей игре и забавляюсь, подобно остальным, потому что этот город – лучшее место для таких забавников, как мы.

Единственное, в чем я действительно убеждена, так это в том, что Америка превратилась бы в величайшую страну в мире, если бы всем в Вашингтоне, от президента до швейцара в департаменте, позволили исполнять свои обязанности лишь две недели в году.

Я допил виски, меня неудержимо клонило ко сну, и я с большим трудом подавлял подступающую зевоту.

- О, - воскликнула она, - я наскучила тебе.

- Нисколько, - вежливо сказал я. - А ты не устала?

- Право, нет. - Она сбросила с себя халат и легла рядом со мной. - Секс бодрит меня. Но мне рано вставать, а на службе надо выглядеть свежей. - Прижавшись ко мне, она поцеловала мое ухо. - И конечно, позвони мне, когда вернешься.

Проснулся я около десяти часов утра, один-одинешенек в постели. Сквозь задернутые занавески пробивались лучи солнца, утро было прекрасное. На туалетном столике лежала записка.

«Дорогой гость, я ушла на работу. Ты спал, как ангелочек, и у меня не хватило духу разбудить тебя. Счастлива была узреть такое наглядное свидетельство чистоты и безгрешности в нашем порочном мире. Бритва и крем в аптечке, кружка апельсинового сока в холодильнике, кофейник на плите. Хорошего исполнителя надо вознаграждать. Надеюсь, тебе удастся найти своего друга. Э. К.».

Я усмехнулся последней фразе и направился в ванную, где побрился и принял душ. Холодный душ окончательно разбудил меня, я почувствовал себя свежим, бодрым и, признаюсь, был доволен собой. Внимательно оглядел себя в зеркале. Цвет лица у меня как будто стал лучше.

Когда я затем вошел в гостиную, до меня донесся запах жареного бекона. Открыв дверь в кухню, я увидел молодую женщину в брюках, свитере и с

повязанным на голове шарфом. Сидя за столом, она читала газету и грызла подрумяненный на огне ломтик хлеба.

- Привет, - сказала она, подняв глаза на меня. - А я уж подумала, что вы весь день проспите.

- П-простите, - смутился я. - Я не хотел потревожить вас.

- Никакого беспокойства, - улыбнулась она, встала из-за стола, открыла холодильник и достала оттуда апельсиновый сок. - Вот Эвелин оставила вам это. Вас, наверное, мучит жажда, - произнесла она как нечто само собой разумеющееся. - Хотите яичницу с беконом?

- Право, не стоит беспокоиться.

- Пустяки. У нас так принято. - Она отодрала три ломтика от нарезанного куска бекона и плюхнула их на сковородку. Я невольно залюбовался: стройная, длинноногая, в облегающих брюках. - Вам как поджарить?

- Полагаюсь на ваш вкус.

- Я люблю подрумяненные. - Она положила на другую сковородку кусок масла и разбила три яйца. Движения ее были легкие и уверенные.

- Меня зовут Бренда Моррисси, - представилась она. - Мы вместе снимаем эту квартиру. Она говорила вам обо мне?

- Не помню.

- Ну, она была так занята вами, - невозмутимо заметила Бренда, наливая две чашки кофе и жестом приглашая меня сесть за стол. - Вы ведь не торопитесь, не так ли?

- Пожалуй, нет, - согласился я, усаживаясь за стол.

- И я тоже. Я работаю в картинной галерее, а до одиннадцати утра никто не спешит покупать картины. Замечательная работа, правда? Кстати, Эвелин

позабыла сказать мне, как вас зовут.

Я представился.

– Давно вы знакомы с Эвелин? – спросила она, одной рукой встряхивая сковородку с яичницей, а другой закладывая нарезанный хлеб в тостер.

– Откровенно говоря, – замялся я, – мы познакомились лишь вчера вечером.

– Таков наш Вашингтон, – рассмеялась Бренда. – Здесь где только возможно собирают голоса. Всякие голоса. А вот такие, наверно, самые приятные. Я слышала, как вы буйно наслаждались.

– Поверьте, – сказал я, краснея, – мне и в голову не пришло, что кто-то еще есть в квартире.

– Да, конечно. Я давно собираюсь купить затычки для ушей. Те, что продают для пловцов и артиллеристов. Да все забываю. А Эвелин, когда забавляется, – вся нараспашку. И я с трудом удерживаюсь от того, чтобы тут же не присоединиться к ней.

Я насупился и отвел глаза.

– Не пугайтесь, – засмеялась Бренда. – Это все же не случается. Что бы мы тут ни вытворяли, оргии мы не устраиваем. Но если вы сегодня вечером еще будете в Вашингтоне и назовете мне отель, в котором остановились, я с удовольствием выпью с вами.

Не скрою, что я был готов поддаться искушению. Прошедшая ночь разбудила во мне долго дремавшую чувственность. Интриговало и то спокойное бесстыдство, с каким было сделано предложение. Для меня по крайней мере это было в новинку. Подобные вещи случались с моими друзьями (во всяком случае, они рассказывали о них), но ничего подобного со мной никогда не бывало. После того, что я уже совершил в «Святом Августине», вряд ли я мог, исходя из основ морали, отказаться переспать с подругой женщины, которая накануне спала со мной. Однако у меня неотложное дело – розыск свидетельства о рождении.

– Извините, но я сегодня уезжаю.

– Жаль, – коротко, без всякого выражения отозвалась Бренда.

– Но я вернусь, – сказал я и запнулся, вспомнив о приглашении к Хейлу на субботу вечером, – в воскресенье.

– В каком вы отеле?

Я объяснил ей.

– Возможно, позвоню вам, – пообещала Бренда. – Я и в воскресенье могу.

Когда у тебя деньги в банке, подумал я, выходя из квартиры, они даже за двести пятьдесят миль испускают непреодолимо притягательный чувственный аромат. Легко и пружинисто шагая, я спрашивал себя, как мне живется. Беззаботно, решил я. И порочно. Старомодное слово, но именно оно неизвестно откуда вдруг выплыло. Мыслимо ли прожить на свете тридцать три года и совершенно не знать, какой ты на самом деле человек?

Я всматривался в простые обыденные лица шедших по улице мужчин и женщин. Неужели и они тоже на грани преступления?

В отеле я взял напрокат машину и забрал свой бумажник, сданный на хранение. Теперь уж я чувствовал себя не в своей тарелке, если при мне не было сотенных бумажек.

Дорога на Пенсильванию была покрыта льдом, и я ехал очень осторожно. Автомобильная авария никак не входила в мои расчеты.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Попросите, пожалуйста, мистера Генри Граймса, – сказал я девушке, ответившей на мой телефонный звонок.

Девушка поинтересовалась, кто его спрашивает. Называться мне не хотелось. И потому я просто сказал, что звонит брат... Нас, братьев, было трое, так что в какой-то степени я сохранял инкогнито.

– Кто говорит? О, неужели это ты, Дуг? Какого черта, где ты? – прогудел в трубке радостный голос брата. Он был старше меня на семь лет, росли мы вместе, но в детстве я считался надоедливый, несносным ребенком. После моего отъезда из родного города мы почти не встречались.

– Я у вас в городе. В отеле «Хилтон».

– Забирай свои вещи и кати ко мне. У меня есть свободная комната для гостей. Раньше семи утра дети тебя не разбудят, – засмеялся брат. Звуки его низкого голоса перемежались с трескотней счетных машинок. Генри работал в бухгалтерии, и неумолчное стрекотание было музыкой их рабочего дня. – Я позвоню сейчас Магде и скажу, что ты будешь к обеду.

– Минутку, Хэнк, – перебил я. – Хочу попросить тебя об одном одолжении.

– Ради Бога, дорогой мой. Что тебе нужно?

– Я обратился за получением заграничного паспорта. Для этого требуется мое свидетельство о рождении. Если запросить его, то на это уйдет недели три, а я очень тороплюсь.

– Куда ты едешь?

– За границу.

– А куда именно?

– Это не важно. Так вот, посмотри, нет ли моего свидетельства в тех бумагах, что остались у тебя после смерти матери.

– Приходи к обеду, и вместе посмотрим.

– Я бы не хотел, чтобы твоя жена знала о моем приезде.

- Почему? – озабоченно спросил брат.

- Не мог бы ты отлучиться с работы, найти мою метрику и прийти ко мне в отель? И вдвоем пообедаем.

- Но почему...

- Потом объясню. Сможешь прийти?

- Да, смогу. В начале седьмого.

- Приходи в бар.

- Место знакомое, – сказал Генри с радостным смешком выпивохи.

Я положил трубку и некоторое время молча сидел на краю постели в невзрачном номере провинциального отеля, все еще держа руку на телефоне и спрашивая себя, стоило ли сюда приезжать. Не лучше ли было послать запрос и, укрывшись где-нибудь, недели две-три ожидать получения метрики. Нет, если уж хочешь вернее рассчитать свое будущее, нельзя отбрасывать прошлое. А мой брат Генри играл в нем большую роль.

Когда умер отец, Генри было двадцать лет, остальные дети в семье были значительно младше. Как-то само собой вышло, что он стал главою семьи и я привык слушаться его и во всем на него полагаться. Это было даже приятно. Генри был добродушный, простой и умный парень, притом весьма хорошо учившийся (в классе – всегда первый, его постоянно выбирали старостой, и по окончании школы он получил стипендию в Пенсильванском университете). У него была деловая сноровка, он не был скуп и из своих заработков щедро помогал братьям, особенно мне. Как наша мать любила при случае повторять, Генри родился, чтобы выбиться в люди и стать богачом. Он же помог мне и в спорах с матерью, ни за что не хотевшей, чтобы я стал летчиком, и платил за мое обучение в летной школе. К тому времени он уже был дипломированным бухгалтером с хорошей репутацией, прилично зарабатывал и рано женился.

В последующие годы я выплачивал ему те деньги, что он истратил на мое обучение в летной школе, хотя он никогда не напоминал мне о них. Но виделась

мы по-прежнему весьма редко, общего у нас было мало, к тому же у Генри появились свои заботы: прибавления в семействе, нелады с женой.

А когда нам все-таки удавалось собраться вместе, Магда, его супруга, с глупой назойливостью изводила меня расспросами, почему я еще не женат.

Словом, я понимал, что многим обязан своему брату Генри и сам виноват в том, что отдалился от него. И сейчас был даже рад тому, что бюрократические порядки заставили меня приехать к нему за помощью.

Брат появился в баре, и меня поразил его вид. Когда мы расстались пять лет назад, это был крепкий, хорошо сложенный, уверенный в себе мужчина. А сейчас казалось, что эти годы совершенно измотали его. Он весь как-то съежился, согнулся; волосы на голове очень поредели, стали какие-то желтовато-серые. Он теперь носил очки с толстыми стеклами в золотой оправе, от них на переносице оставался глубокий след. Пробираясь между столиками полуосвещенного бара, Генри походил на трусливо озиравшегося зверька, вылезшего из своей норы и готового при первом же признаке опасности юркнуть обратно.

Поднявшись из-за стола, я окликнул его.

Мы молча пожали друг другу руки. Генри, наверное, понимал, что резкие изменения во всем его облике бросились мне в глаза и я пытаюсь не подавать виду, что замечаю их.

– Тебе повезло, сразу же нашел, – сказал брат, вынув из кармана конверт и вручая его мне.

Я вытащил из конверта свидетельство. Итак, все в порядке – бытие мое законно подтверждалось. Дуглас Трейнор Граймс, мужского пола, родился в США, сын Маргарет Трейнор Граймс.

Пока я рассматривал пожелтевший листок бумаги, Генри торопливо снял с себя пальто и повесил его на спинку стула. Пальто было поношенное, обшлага и локти лоснились.

– Что выпьешь, Хэнк? – обратился я к нему с нарочито подчеркнутой сердечностью.

– Коктейль из виски, как обычно, – сказал Генри. Голос его не изменился, был таким же низким и звучным, подобно ценной, заботливо хранимой реликвии, оставшейся от прошлых лучших дней.

– И мне то же самое, – кивнул я официанту, уже стоявшему у столика в ожидании заказа.

– Ну, дорогой, значит, вернулся. Как блудный сын.

– Не совсем так. Скорее, я бы сказал, остановился для дозаправки.

– Ты больше не летаешь?

– Я писал об этом.

– Это единственное, о чем ты написал. Я, понятно, не упрекаю. – Брат развел руками, и я заметил, что руки у него немного дрожат. Боже мой, подумал я, ведь ему всего сорок лет. – Все у нас чертовски заняты, – продолжал он. – Общаемся редко, а годы уходят. Вот и идем своими, различными путями.

Подали заказанные коктейли, мы чокнулись, и Генри с жадностью, одним глотком хватил полстакана.

– После целого дня в конторе... – поймав мой взгляд, пояснил Генри. – Ах, эти унылые конторские дни.

– Да уж, представляю себе.

– А теперь рассказывай о своей жизни, – сказал Генри.

– Нет, сначала ты расскажи о Магде, о своих детях и обо всем прочем.

Мы выпили еще по два коктейля, пока Генри рассказывал о своей семье. Магда превосходная жена, но устает от всего – и от работы в родительско-преподавательской ассоциации, и от преподавания стенографии по вечерам. Его три дочери очаровательны. У старшей, четырнадцатилетней, свои трудности. Она очень нервная, как и все дети переходного возраста в наши дни, приходится ее немного подлечивать у психиатра. Затем была вытащена из бумажника и продемонстрирована семейная фотография. Вся семья снялась на берегу озера, жена и дети загорелые, крепкие, веселые, а сам Генри, бледный, печальный, в больших до смешного трусах, походил на утопленника.

А вот новости о нашем младшем брате Берте поразили меня.

– Он работает на радио в Сан-Диего, ведет программу для гомиков, – пояснил Генри. – Странно, прежде мы ничего такого за ним не замечали. Или ты замечал?

Я признался, что нет.

– Ладно, ничего не поделаешь, – вздохнул Генри, – в наши дни это уже не редкость. Но все-таки, чтобы такое случилось в нашей семье... Отец перевернулся бы в гробу. Но Берт – славный малый, каждое Рождество присылает детишкам гостинцы из Калифорнии. Не знаю, правда, как бы я его встретил, вздумай он приехать сюда.

Наша замужняя сестра Клара жила в Чикаго, у нее уже двое детей. Знаю ли я об этом, поинтересовался Генри.

– Знал, что она замужем, но о детях ничего не знал.

– Мы совсем растеряли друг друга, – со вздохом проговорил Генри. – В наше время семьи распадаются. Через несколько лет уйдут и мои дети, и мы с Магдой останемся вдвоем у телевизора. – Он горестно покачал головой. – Где мои радостные мысли о счастливом будущем? Правда, что-то и радуется. Эти ублюдки наверху не возьмут у меня сына, чтобы он погиб в одной из их проклятых войн. Что это за страна, где надо благодарить Бога, что у тебя нет сына? Вот тебе и счастье. – Он опять покачал головой, как если бы завел разговор о том, чего лучше не касаться. – Выпьем еще?

Передо мной стоял почти полный стакан, но Генри заказал еще два коктейля. Вскоре он напьется. Возможно, тут и крылась разгадка, но я знал, что лишь этим всего не объяснишь.

- Клара живет хорошо, - продолжал Генри. - По крайней мере так она пишет, когда соизволит осчастливить нас письмом. Ее муж - важная шишка в биржевой маклерской фирме. У них своя яхта на озере. Представляешь, а? Но хватит о нас. Как твои дела?

- Поговорим после ужина.

В ресторане Генри заказал обильный ужин.

- Как насчет бутылки вина? - спросил он, широко улыбаясь, словно его осенила весьма удачная мысль.

- Как хочешь, - ответил я, хотя и видел, что от вина ему станет еще хуже. Но я с детства привык, что всегда решает он.

За ужином Генри почти ничего не ел, налегая на вино. Порой, вспомнив, что он как-никак глава семьи, пытался отрезветь, вскидывал голову и говорил строгим голосом, сидя очень прямо. В один из таких моментов он потребовал, чтобы я поведал ему о себе.

- Где ты был, что делал? Что привело тебя сюда? Как я понимаю, ты нуждаешься в помощи. Я небогат, но сумею наскрести...

- Ничего не нужно, Хэнк, - поспешно перебил я. - Деньги для меня не проблема.

- Вот как? - горько усмехнулся Генри. - Ты так думаешь?

- Послушай, Хэнк, - сказал я, наклонившись к нему через стол и понизив голос, чтобы привлечь его внимание. - Я очень далеко уезжаю.

- Далеко? Куда же? Ты всю жизнь куда-то уезжаешь.

– На этот раз совсем иное. Я уезжаю, быть может, очень надолго. Сначала в Европу.

– Работа в Европе?

– Не совсем.

– У тебя нет работы?

– Не задавай, пожалуйста, лишних вопросов, Хэнк. На неопределенное время я уезжаю. И не знаю, сумеем ли мы когда-нибудь снова увидеться. Может, и нет. Но я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал. Хочу сказать, что очень ценю это.

– А, ерунда, Дуг. Забудь об этом.

– Нет, не забуду. Ведь отец умер, когда мне было всего тринадцать лет.

– Отец оставил после себя небольшую страховку, – с гордостью заметил Генри. – Небольшой, но замечательный страховой полис. Нельзя было ожидать этого от рабочего на заводе. Человека, который зарабатывал на жизнь своими руками. Однако он прежде всего думал о своей семье. Что было бы со всеми нами, если бы не его страховка?

– Я не об этом.

– Слушай бухгалтера, когда дело касается страховки.

– Отца-то я плохо помню. Я был ребенком и редко видел его. Как мне кажется, домой он по большей части приходил лишь затем, чтобы поесть. Мне трудно припомнить даже его лицо.

– Его лицо? – повторил Генри. – Лицо честного, твердого человека, который никогда не сомневался в себе. Лицо прошлого века. Чувства долга и чести выражали простые черты этих лиц. Но отец дал мне плохой совет, – продолжал он, несколько трезвее. – Тоже из прошлого века. Все поучал меня: «Женись пораньше, парень». Ты помнишь, что он постоянно читал Библию и водил нас в

церковь. Лучше жениться, чем обжигаться на девчонках, твердил он. Вот я и женился рано, послушал старика. С его страховкой или без нее, а обжигаться все-таки лучше.

- Хватит, ради Бога, о страховке.

- Как скажешь, братец. Ты же пригласил меня на ужин. Ведь ты угощаешь, правда?

- Конечно.

- Хватит об отце. Он мертв. О матери тоже говорить не будем - и ее нет в живых. Они работали не покладая рук, чтобы поднять семью. И вот один из нас вещает на радио для педерастов, другой - пьянчуга-бухгалтер, тоже лезет из кожи вон, чтобы поднять семью. Я это говорю в утешение отцу - у него была своя вера. Что ж, у Клары есть яхта, у нашего диктора Берта - мальчики с пляжей Калифорнии, у меня - бутылка. - Он расплылся в глуповатой улыбке. - А у тебя что, братец?

- Пока еще не знаю.

- Еще не знаешь? - гримасничая, воскликнул Генри. - Тебе сколько, тридцать два или тридцать три года? И все еще не знаешь? Счастливчик, у тебя, выходит, все впереди. А вот у меня, помимо бутылки, еще совсем плохие глаза. Можешь представить себе слепого бухгалтера? Так вот, лет через пять я с голой задницей окажусь на улице!

- Боже мой! - вскричал я, потрясенный совпадением. - По той же причине меня отстранили от полетов!

- Вот как, - произнес Генри. - А я-то думал, что ты разбил какой-нибудь самолет или переспал с женой своего босса.

- Увы, - вздохнул я. - Все дело в чертовой сетчатке. Она-то и доконала меня.

- У всех нас глаза ни к черту, - по-дурацки захихикал Генри. - Фатальный порок семьи Граймсов. - Он снял очки и протер слезившиеся глаза. Вдавленный след на переносице походил на глубокую рану. Глаза его без очков казались пустыми,

лишенными всякого выражения. – Но ты заявил, что едешь в Европу. У тебя богатая бабенка? Она везет тебя?

– Ничего подобного.

– Послушай моего совета – найди себе такую. Роман для души – это ерунда. Вот я совсем в другом положении. Моя жена презирает меня.

– Никогда не замечал этого, Хэнк. – И в самом деле, на снимке его жена Магда не походила на женщину, презиравшую кого-нибудь. Я несколько раз встречался с ней, и она производила впечатление благожелательной, уравновешенной женщины, пекущейся о благополучии своего мужа.

– Ты не понимаешь, братец, – с горечью проговорил Генри. – Она явно презирает меня. Хочешь знать почему? Да потому, что по ее высоким американским меркам – я никчемный неудачник. Она не может купить себе нового платья, а ее подруги покупают. Дом наш уже лет десять не ремонтировался. Мы задолжали за телевизор. У нас старенький автомобиль. Я лишь бухгалтер, а не компаньон фирмы. Считаю чужие деньги – и только. А ты знаешь, что хуже всего на свете? Чужие деньги...

– Хватит, Хэнк, прошу тебя, – остановил я его. Трудно было вынести, да еще за обедом, такую волну самобичевания, хорошо еще, что его не слышали за соседним столиком.

– Позволь закончить, братец, – взмолился Генри. – Жена упрекает, что у меня плохие зубы и дурно пахнет изо рта, а все потому, что мне не по средствам пойти к зубному врачу. А пойти я не могу, так как все три чертовы дочки каждую неделю ходят к нему для выпрямления зубов, чтобы потом, когда подрастут, могли улыбаться, как кинозвезды. И еще она презирает меня за то, что я уже пять лет не спал с ней.

– Почему?

– Я импотент, – с жалкой улыбкой признался Генри. – У меня все основания быть импотентом. Уж поверь слову своего брата. Помнишь ту субботу, когда ты вернулся домой и застал меня в постели с девицей? Как ее звали, черт возьми?

– Синтия.

– Вот-вот, Синтия. Синтия с большими сиськами. Она завопила, как недорезанная курица, – по сей день у меня в ушах звенит ее визг. А потом, когда я расхохотался, она вклепила мне затрещину. Что ты тогда подумал про своего старшего брата?

– Да ничего особенного. Я даже не понимал, чем вы занимались.

– Но теперь-то понимаешь?

– Да.

– Тогда я не был импотентом, верно?

– Господи, да откуда мне знать?

– Уж поверь мне на слово. Ты рад, что снова приехал к нам в Скрантон?

– Послушай, Хэнк, – сказал я, взяв его за руки и крепко сжав их, – ты достаточно трезв, чтобы понять то, что я скажу тебе?

– Близок к тому, – хихикнул он и затем, нахмурясь, бросил: – Отпусти руки.

Я отпустил его руки, вынул бумажник и отсчитал десять сотенных.

– Вот тебе тысяча долларов, – сказал я и, наклонившись, сунул их ему в нагрудный карман пиджака. – Не забудь, где они.

Генри шумно вздохнул, полез в карман, вытащил деньги и стал разглаживать на столе каждую бумажку.

– Чужие деньги, – бормотал он. Казалось, он совершенно протрезвел.

– Итак, завтра я уезжаю, – продолжал я. – Далеко, за границу. Время от времени буду давать знать о себе. Если тебе еще понадобятся деньги, ты их получишь.

Понятно?

Генри старательно сложил деньги и спрятал их в бумажник. Слезы полились из его глаз, молчаливые слезы, катившиеся из-под очков по его мертвенно-бледным щекам.

- Не надо плакать. Ради Бога, не плачь, Хэнк, - упрашивал я.

- Ты, наверное, попадешь в беду, - печально произнес Генри.

- Возможно, что и так. Во всяком случае, я уеду. Если кто-нибудь придет к тебе и будет спрашивать обо мне, ты меня не видел и ничего не знаешь. Ясно?

- Да, понятно, - кивнул Генри. - Позволь, Дуг, задать лишь один вопрос. Дело-то стоящее?

- Пока еще не знаю. Там видно будет. Давай-ка выпьем по чашке кофе.

- Не надо мне кофе. Могу выпить его и у себя в счастливом доме с драгоценной женой.

Мы поднялись из-за стола, я помог брату надеть пальто. Потом расплатился с официантом, и мы пошли к выходу. Генри, ссутулившись, весь какой-то скособоченный, припустил было вперед, потом приостановился, пропуская меня к двери.

- Знаешь, - сказал Генри, - что говорил мне отец перед смертью? Он признался, что из всех сыновей больше всех любит тебя. Сказал, что ты самый лучший, чистая душа. - Тон у Генри был как у обиженного ребенка. - Как думаешь, зачем понадобилось ему на смертном одре говорить такое своему старшему сыну?

И он зашагал к выходу. Я распахнул перед ним дверь, невольно подумав, какое для меня это стало привычное дело - распахивать двери.

На улице было холодно, дул порывистый пронизывающий ветер. Генри съежился и торопливо застегнулся на все пуговицы.

Я крепко обнял его и чмокнул в еще мокрую щеку, ощутив на губах соль. Потом усадил в такси. Прежде чем таксист успел завести мотор, Генри остановил его, похлопав по плечу, и опустил боковое стекло с моей стороны.

- Послушай, Дуг, - сказал он, - я только что понял, в чем дело. Весь вечер я недоумевал и ломал себе голову, не в силах понять, что в тебе такого странного. Ты ведь больше не заикаешься!

- Да, - подтвердил я.

- Как ты это устроил?

- Лечился у логопеда, - брякнул я. Впрочем, что лучшее я мог придумать?

- Здорово, просто потрясающе. Везунчик же ты!

- Угу, - согласился я. - Я везунчик. Спокойной ночи, Генри.

Он поднял стекло, и такси покатило прочь. Я грустно глядел вслед машине, увозившей моего старшего брата, о котором мать говорила, что из всех нас он один рожден для богатства и счастья.

Вернувшись к себе в номер отеля, я уселся перед телевизором. На экране мелькала одна реклама за другой, причем назойливо расхваливались такие вещи, которые я никогда бы не стал покупать.

Я плохо спал в эту ночь, мучимый стремительными мимолетными видениями: то какие-то женщины, то чьи-то похороны.

Меня разбудил звонок телефона, стоявшего на столике у изголовья кровати. Взглянув на часы, я увидел, что был восьмой час утра.

- Дуг, - услышал я в трубке голос брата. Кто же еще мог знать, что я здесь. - Дуг, мне надо повидаться с тобой.

Я вздохнул в досаде. Вчерашней встречи мне вполне хватило бы еще лет на пять.

- Где ты? - спросил я.

- Внизу в вестибюле. Ты уже завтракал?

- Нет, конечно.

- Так буду ждать тебя. - И он повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Генри сидел за чашкой черного кофе, один во всем зале, освещенном неоновыми лампами. За окном было еще темно. Он всегда вставал рано, и это была еще одна добродетель, которая восхвалялась нашими родителями.

- Извини, что разбудил тебя, - сказал брат, когда я сел за его столик. - Мне надо было непременно повидаться с тобой до твоего отъезда.

- Ладно, - кивнул я, еще не совсем очнувшись от своих сновидений. - Все равно ничего хорошего во сне у меня не было.

- Слушай, Дуг, - несколько запинаясь, начал он, - вчера ты сказал, когда... когда дал деньги. Не подумай, что я не признателен тебе.

Я нетерпеливо отмахнулся:

- Давай больше не говорить об этом.

- И затем ты сказал... сказал, что если мне понадобится...

- Да, говорил.

- Значит, ты имел в виду...

- Иначе бы не сказал.

- И даже... даже двадцать пять тысяч? - Он покраснел, выговорив такую цифру.

Я лишь на миг поколебался.

- Да, если ты нуждаешься в них, - подтвердил я.

- Ты хочешь знать, для чего нужны эти деньги?

- Если тебе угодно, - ответил я, сожалея о том, что вчера не уехал из города.

- Эти деньги не только для меня, а для нас обоих. В конторе я веду счета разных клиентов. И есть одна маленькая, только что организовавшаяся компания. Двое очень способных молодых людей. Оба из Массачусетского института. У них идея, которая может стать большим, весьма большим делом. Они подали заявку на патент новой системы миниатюризации. Для всех видов электронного оборудования. Но у них нет средств. А чтобы начать дело, нужно не менее двадцати пяти тысяч. Они обратились в банк за кредитом, но банк отказал. Мне известно их положение, потому что я веду их счета и говорил с ними. Словом, я могу войти к ним третьим компаньоном и получить треть акций. Стану членом правления компании, ее казначеем, чтобы охранять наши интересы. Как только наладится выпуск продукции, они сразу выйдут на Амекс.

- Куда?

- На Американскую биржу, - пояснил Генри и с удивлением посмотрел на меня. - Где ты, черт возьми, был все эти годы?

- Нигде. Между небом и землей.

- И даже нельзя предвидеть, как высоко могут подняться акции этой компании. Из нашей доли ты получаешь две трети, а я одну. Ты находишь это несправедливым? - с тревогой спросил он.

- Вовсе нет, - ответил я, мысленно уже поставив крест на этих двадцати пяти тысячах. Во всяком случае, кроме наличных денег, лежавших в моем сейфе, все остальное казалось мне сомнительным.

- Ты благородный человек, Дуг. Очень благородный, - с дрожью в голосе произнес брат.

– Брось ты это, – резко оборвал я. – Никакой я не благородный. Сможешь в среду приехать в Нью-Йорк?

– Конечно, смогу.

– Я приготовлю деньги. Наличными. Накануне во вторник позвоню тебе в контору и скажу, где мы встретимся.

– Наличными? – удивился Генри. – А почему не чеком? Неприятно везти столько денег с собой.

– Ничего, справишься с этой ношей. Чеков я не выписываю.

Я мог заметить, как изменился в лице мой брат. Он хотел получить деньги, очень хотел, но как человек порядочный и вовсе не дурак, он теперь совершенно не сомневался в том, что откуда бы у меня ни взялись деньги – это нечестные деньги.

– Не хочу, Дуг, причинять тебе беспокойство, – с усилием проговорил Генри. – Я... я смогу обойтись и без этого. – Видно было, чего ему стоило вымолвить последние слова.

– Пусть каждый решает за себя, – коротко отрезал я. – Так или иначе, а во вторник утром жди моего звонка.

Генри тяжело вздохнул, как вздыхает человек, которому предстоит принять трудное решение.

Я был рад уехать наконец из Скрантона и катить по покрытому льдом шоссе обратно в Вашингтон. Вспомнив о предстоящей в этот вечер игре в покер у Хейла, я пощупал в кармане мой талисман – серебряный доллар.

В штате Мэриленд, где шоссе не было обледеневшим, меня задержали за превышение скорости, но я быстро откупился, дав полицейскому пятьдесят долларов. Загнувшийся в «Святом Августине» мистер Феррис, или как там его

звали на самом деле, предоставил мне возможность сорить деньгами для укрепления американского образа жизни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Был уже конец дня, когда я приехал в Вашингтон. Памятники президентам, генералам, монументы правосудию и закону – весь этот сомнительный пантеон дорийско-американского стиля уже неясно вырисовывался в теплом южном тумане надвигавшихся сумерек. Казалось, что Скрантон, откуда я приехал, был совсем в другом климате, в другой стране, в другой цивилизации.

Улицы столицы были почти пусты, лишь отдельные прохожие неторопливо брели в мягких сумерках. Как объяснил мне вчера при встрече школьный друг Джереми Хейл, Вашингтон лучше всего выглядит в конце недели, когда останавливаются жернова в правительственной машине. Со второй половины дня в пятницу и до утра понедельника в столице вполне возможно верить в ценности и благолепие демократии.

В отеле не было для меня ни писем, ни каких-либо иных посланий. Я поднялся к себе в номер и позвонил домой Хейлу. Мне ответил чистый, как колокольчик, детский голосок, и я вдруг остро пожалел, что у меня нет ребенка, который бы вот так звонко, с чувством воскликнул: «Папа, тебя к телефону».

– Ну как, игра состоится? – спросил я Хейла.

– О, ты вернулся. Очень хорошо. В восемь заеду за тобой.

В моем распоряжении, следовательно, было около трех часов, и у меня мелькнула мысль, не позвонить ли на квартиру Эвелин и узнать, кто из женщин дома. Однако пришлось бы предупредить, что смогу побыть лишь пару часов. Нет, я не из того сорта мужчин и никогда не стану таким. Пусть мне будет хуже.

Побрившись, я роскошно разлегся в горячей ванне, перебирая в уме сплошные удачи последних дней. Надо же, такое везение! «Карл украл у Клары кораллы, а Клара украла у Карла кларнет», – громко и без запинки произнес я в

наполненной паром ванной комнате. За последние пять суток я ни разу не заикался. Я просто чувствовал себя, как калека, отбросивший прочь костыли и весело заплясавший после купания в чудодейственном источнике Лурда. А потом еще эти деньги, что хранятся в подвале нью-йоркского банка. Вновь и вновь представлял я себе многообещающие пачки долларов, покоившиеся в моем стальном ящичке. Затем ночь с этой Эвелин Коутс... Выходит, не зря помер тот старик в коридоре «Святого Августина».

Я вышел из ванны отдохнувшим и свежим, тщательно оделся и спустился в ресторан, где пообедал без капли вина ввиду предстоящей серьезной игры в покер.

Когда Хейл заехал за мной, я еще раз пощупал серебряный доллар, чтобы убедиться, что он у меня в кармане. Вы, быть может, и знаете игрока, из живых или умерших, который не был бы суеверным, а я лично никогда и не слышал о таком.

Не знаю, помог ли в данном случае мой серебряный талисман, но мы не разбились чудом – так безрассудно мчался Хейл по дороге в Джорджтаун, где еженедельно по субботам собирались в местном отеле для игры в покер. На одном перекрестке, который он проскочил на красный сигнал, послышался дикий визг тормозов встречной машины, резко свернувшей в сторону, чтобы избежать столкновения. Из нее по нашему адресу (непонятно почему) заорали: «Проклятые черномазые!»

А ведь, учась в колледже, Хейл слыл осторожным водителем.

– Прости, Дуг, – извинился он. – Почему-то в субботний вечер все как с цепи срываются.

Я промолчал, но про себя подумал, что выбрал для игры не самую спокойную компанию.

В небольшой укромной комнате стоял круглый солидный стол, покрытый зеленым сукном. На буфете – батарея бутылок, лед, рюмки и стаканы. Словом, обстановка карточного клуба, вплоть до яркого освещения. С некоторым нетерпением предвкушал я предстоящую игру. Когда мы вошли, в комнате находилось трое мужчин и женщина, которая стояла спиной к нам, приготавливая

себе коктейль. Хейл представил меня мужчинам. Как я позднее узнал, один из них был весьма известный журналист, другой – конгрессмен от штата Нью-Йорк, походивший на кроткого седовласого Гардинга, бывшего президента, в котором не было ничего президентского. И наконец, третий был довольно молодой адвокат по фамилии Бенсон, служивший в министерстве обороны. Еще никогда в жизни мне не доводилось знакомиться ни с известным журналистом, ни с конгрессменом. Поднимаюсь ли я вверх по социальной шкале или спускаюсь вниз?

Когда женщина обернулась, чтобы поздороваться с нами, я не удивился, увидев Эвелин Коутс.

– Мы уже знакомы, – сдержанно, без улыбки, заметила она, когда Хейл хотел представить меня. – Я знаю мистера Граймса. Познакомилась с ним у вас же в доме, Джерри.

– У меня, должно быть, совсем отшибло память, – обронил Хейл. Он казался расстроенным и, как в лихорадке, то и дело нервно потирал подбородок. Про себя я решил, что в этот вечер он, наверное, взвинтится и проиграет.

Эвелин была в свободном бежевом свитере и темно-синих в обтяжку брюках. В детстве она, видимо, была из тех девчонок, что с мальчишками играют в футбол. Когда мы уселись за стол и стали отсчитывать фишки, только она одна села со стаканчиком в руке. Привычным движением разложила перед собой столбики фишек.

– Эвелин! – крикнул через стол Бенсон, когда конгрессмен начал сдавать карты. – Будьте хоть сегодня милосердны к нам!

– Без гнева и пристрастия, – ответила она латинской поговоркой.

Как я заметил, этот адвокат, поддразнивая, все приставал к ней. Мне не нравился его хорошо поставленный самоуверенный голос. Но, взяв в руки карты, я выкинул все прочее из головы.

К игре все относились весьма серьезно, играли почти в полном молчании, перебрасываясь короткими замечаниями в промежутках между сдачей карт. Хейл говорил мне, что игра обычно умеренная, никто за вечер не проигрывал

больше тысячи долларов. Если бы у него не было богатой жены, то вряд ли он назвал бы такую игру умеренной.

Было заметно, что Эвелин ловкий и искусный игрок, настойчивый и неожиданный в своих решениях. На очень маленькой карте, всего две восьмерки, она сорвала большой банк. В иные времена о ней бы сказали, что она играет по-мужски, как заправский картежник. Выигрывала она или проигрывала, выражение ее лица не менялось, оставаясь всегда холодным и деловитым. Когда я сейчас посматривал на нее, мне было даже трудно представить себе, что лежал с ней в постели.

На незначительном стрите[3 - Термин в покере, обозначающий наличие у игрока карт в порядке старшинства.] я снял самый большой банк за весь вечер. У меня прежде никогда не было столько денег за спиной, потому теперь я играл спокойно и уверенно, не рисковал без оснований, а в сомнительных положениях по большей части пасовал.

Известный журналист и конгрессмен, предупредил меня Хейл, были мальчиками для битья. Играли они столь азартно и эмоционально, что проигрывали почти в каждой сдаче. Я невольно засомневался в их профессиональных качествах. Во всяком случае, доверие к репортажам журналиста у меня теперь точно подорвано, а конгрессмена я бы с удовольствием лишил законодательного голоса.

Обстановка была дружеская, и даже проигравшие добродушно переносили свои потери. После трехлетнего перерыва я играл с удовольствием, которое несколько отравляло поведение Эвелин. Я ожидал уловить с ее стороны какой-нибудь скрытый знак, мимолетный выразительный взгляд, улыбку, но она даже и бровью не повела. Меня уязвляло ее поведение, но я не позволил, чтобы это как-то отразилось на моей игре, и был вдвойне доволен, когда однажды побил ее карту и снял банк.

К двум часам ночи, когда закончили игру, лишь Эвелин и я были в выигрыше. Пока конгрессмен как банкомет вел подсчеты, я благодарно нащупал в кармане свой серебряный доллар.

Официант внес закуски, и все занялись ими в ожидании окончательных расчетов. Приятно, подумалось мне, каждую неделю встречаться в такой

комнате, в кругу одних и тех же друзей, зная назубок их телефоны, адреса, манеры и шутки. В какой-то момент я даже готов был предложить приехать сюда на следующей неделе, чтобы дать им возможность отыгаться. Что ж, может, стоит пустить корни за карточным столом в такой защитной среде, как правительственные чиновники? Смогу ли я тут быстро обосноваться? Если бы Эвелин Коутс хотя бы улыбнулась мне в эту минуту, я бы, очевидно, объявил о своем приезде на следующей неделе. Но она даже не взглянула в мою сторону.

Чтобы дать ей возможность сказать мне несколько слов в сторонке, я подошел к окну в дальнем конце комнаты и открыл его под предлогом, что жарко, накурено и очень душно. И опять-таки она не обратила никакого внимания на меня.

Вот сука, подумал я, но ты не дождешься, чтобы я позвонил тебе, когда вернусь в отель. Я представил себе в ее квартире этого адвоката с бледным одутловатым лицом. Звонит телефон, и она с довольной улыбкой небрежно замечает: «Черт с ним, пусть звонит», отлично зная, кто это может звонить. Я не был настойчив и тверд с женщинами. Ни с одной женщиной, если честно признаться. Потому, вероятно, я решил с шумом захлопнуть окно, чтобы она взглянула в мою сторону и вспомнила о моем присутствии.

Между тем известный журналист и конгрессмен затеяли долгий спор о политической жизни Вашингтона. Журналист обвинял президента в том, что тот пытается уничтожить американскую прессу, увеличивая почтовую оплату, чтобы привести к банкротству журналы и газеты, сажает в тюрьму репортеров, отказывающихся раскрыть источники информации, угрожает лишить льгот теле- и радиостанции, передающие материалы, неприятные правительству, – словом, все это я читал, когда мне изредка попадались на глаза его статьи. Даже я, редко читавший газеты, был сыт по горло всеми этими высказываниями, но мне было интересно, как вот эти люди, со всех сторон теснимые противоречивыми аргументами, все же умудряются голосовать за что-нибудь или против чего-нибудь. Конгрессмен, не поднимая глаз, продолжал усердно, у него даже лоб вспотел, сыпать пустыми словами. Он был любезен и приветлив в споре и, полагаю, голосовал, как ему указывали, постоянно сообразуясь с партийными инструкциями на каждом выборах. По его высказываниям трудно было определить, республиканец ли он, демократ или последователь Мао.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лицо, заключающее пари на бегах и скачках и собирающее денежные заклады. –
Здесь и далее примеч. пер.

2

Район Нью-Йорка.

3

Термин в покере, обозначающий наличие у игрока карт в порядке старшинства.

Купить: <https://telnovel.com/ru/irvin-shou/nochnoy-porte-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)